

Любовь ♥

по алгоритму

Как Tinder

диктует,

с кем нам

спать

Жюдит
Дюпортей

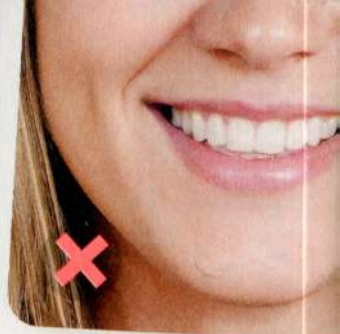

18+

ISBN 978-5-6043606-7-5

Читать на Букмейте

«Эта книга может сделать свободнее всех нас: людей, чья жизнь управляется сотнями неизвестных нам алгоритмов».

– Полина Аронсон, социолог, журналист, редактор порталов [openDemocracy Russia](#) и [dekoder](#), постоянный автор [Colta.ru](#)

«Так ли безопасен Tinder, как нам кажется? Захватывающее расследование французской журналистки дает ответ. Хлесткие пронзительные истории знакомые каждой женщине, которая хоть раз пользовалась дейтингом».

– Мария Чеснокова, секс-блогер ([instagram.com/chesnokova](#))

Сегодня в смартфонах проходит почти вся наша жизнь – в том числе и личная. Мы доверяем алгоритмам подбор партнеров, считая, что все в наших руках. Миллионы пользователей Tinder не могут ошибаться. Или могут? Французская журналистка Жюдит Дюпортей решила узнать, как Tinder влияет на наши отношения и самооценку и какие ловушки патриархата он в себе таит. «Любовь по алгоритму» – это рассказ о поисках любви в цифровую эпоху, в котором каждый может увидеть себя – и узнать то, что большие компании предпочитают скрывать от наших глаз.

 individuum

/sub

Любовь
по алгоритму

Как Tinder
диктует,
с кем нам
спать

Перевод с французского
Татьяны Тростниковой

Жюдит
Дюпортей

УДК 316.472.4

ББК 88.50

Д95

Judith Duportail — L'amour sous algorithme

This edition is published by arrangement with *Editions Goutte d'Or* in conjunction with its duly appointed agent *Books And More Agency #BAM*, Paris, France.
All rights reserved.

Дюпортей, Жюдит.

Д95   Любовь по алгоритму. Как Tinder диктует, с кем нам спать / Жюдит Дюпортей [пер. с фр. Т. Тростниковой]. — М.: Индивидуум, 2020. — 184 с. — (/sub).

ISBN 978-5-6043606-7-5

Сегодня в смартфонах проходит почти вся наша жизнь — в том числе и личная. Мы доверяем алгоритмам подбор партнеров для секса на одну ночь или создания семьи, продолжая считать, что все в наших руках. 50 миллионов пользователей Tinder не могут ошибаться. Или могут? Французская журналистка Жюдит Дюпортей на собственном опыте решила узнать, как устройство Tinder влияет на романтические отношения и нашу самооценку и какие ловушки патриархата таит в себе приложение. «Любовь по алгоритму» — это проникновенный рассказ о поисках любви в цифровую эпоху, в котором каждый может увидеть себя — и узнать то, что большие компании предпочитают скрывать от наших глаз.

ББК 88.50

УДК 316.472.4

 individuum /sub

© Éditions Goutte d'Or, 2019

© Judith Duportail, 2019

© Т. Тростникова, перевод, 2020

© Н. Гринь, перевод послесловия, 2020

ISBN 978-5-6043606-7-5

© ООО «Индивидуум Принт», 2020

Оглавление

Предисловие	9
Глава 1. 5 звезд на BlaBlaCar	15
Глава 2. Секретная оценка	25
Глава 3. Поторопись	33
Глава 4. Мираж	45
Глава 5. Последний отказ	55
Глава 6. «От Tinder мне...»	63
Глава 7. 45 миллионов раз в день	73
Глава 8. Эксклюзивность VS количество	85
Глава 9. Я_хочу_чтобы_кто-нибудь_мне_написал	95
Глава 10. Серотониновая вечеринка	117
Глава 11. Мелкий игрок	125
Глава 12. Взгляд Жюдит	129
Глава 13. Первая оценка	135
Глава 14. «Никаких фотографий членов!»	143
Глава 15. «Сердце» Tinder?	149
Глава 16. Самый-пресамый последний раз	173
Послесловие	179
Благодарности	182

Моему дорогому папе, покинувшему этот мир
между второй и третьей главами.

Я запретила тебе читать эту книгу.

Ты ответил:

«Чудесно! Ни одна хорошая книга не была
написана в попытке угодить родителям».

Предисловие

Книга Жюдит Дюпортей вышла на русском языке с пометкой 18+. Но правильнее всего было бы снабдить ее предупреждением о том, что содержащийся в книге материал может вызвать у читателей — и особенно у читательниц! — ярость, обиду, слезы и чувство глубокой досады. Действительно, своим расследованием устройства алгоритма Tinder Дюпортей ставит огромное число людей перед неприятным фактом: их обманули, обвели вокруг пальца, как маленьких детей. Причем не просто обманули, а воспользовались самым уязвимым, что есть в человеке: жаждой близости, тепла, сексуальной свободы и даже — чем черт не шутит — любви. Делясь историями из своей жизни (вас ждет знакомство с Мистером Миражом, Мистером Лонг-Айленд и еще с 868 мистерами), Дюпортей рассказывает о своем расставании с иллюзиями о мире дейтинговых приложений и их способности сделать ее счастливее. «Часы, проведенные в Tinder, горькая и мрачная пустота, чувство неполноценности и неспособность отказаться от использования приложения помогли в строительстве империи. Моя тоска — их источник прибыли», — заключает она в конце своего журналистского расследования.

Печально, но факт: вопреки утверждениям пиар-службы и рекламных кампаний Tinder, загрузив приложение в смартфон, вы вовсе не избавитесь от цепей патриархата и не сбросите со своих плеч груз несвободы. Напротив: незаметно для себя вы попадете в мир еще большей несвободы — замаскированный брызгами шампанского, облаками конфетти и потоками лайков от прекрасных незнакомцев. Жюдит Дюпортей показывает неприглядную коммерческую изнанку этого мира, чьи напечатанные черным по белому законы больше всего похожи на «инопланетную инструкцию по использованию людей».

У этой несвободы несколько форм.

Первая — это зависимость от алгоритмов, суть которых непонятна, недоступна и не подотчетна конечному пользователю. Дюпортей потребовалось почти два года, чтобы изучить устройство Tinder, понять его принцип подбора партнеров и выяснить, как именно приложение управляет ее персональными данными. Она обращалась за консультациями к первоклассным экспертам: программистам, юристам, психологам, маркетологам, социологам. Неудивительно, что из 57 миллионов пользователей Tinder во всем мире* Дюпортей стала первой — и единственной — получившей исчерпывающую информацию о приложении. Ее блестящее расследование будет интересно не только пользователям дейтинговых платформ, но и всем, кого беспокоит центральная идея этой книги: «Мы на пути ко все более абстрактной и непрозрачной модели общества, в которой собранные на вас без вашего ведома данные, возможно, даже

---

* Данные на март 2020 года: <https://www.businessofapps.com/data/tinder-statistics/>, последний доступ 27 марта 2020. — Прим. авт. предисловия.

на несколько лет устаревшие, будут иметь огромное влияние на вашу жизнь. В итоге все ваше существование будет поставлено с ног на голову, predetermined исключительно на основании собранных о вас данных».

Вторая форма несвободы, заложенная в сам алгоритм Tinder, — это сексуальная объективация. Широко растиражированная самим же Tinder идея о том, что дейтинговые приложения раскрепощают женщин, — увы, миф. Изучив патентные документы приложения, Дюпортей обнаружила, что заложенная в Tinder схема мэтчинга партнеров по умолчанию исходит из представления о том, что в «правильной» паре мужчина должен быть статусно выше, чем женщина. «Tinder основывается на патриархальной модели гетеросексуальных отношений», — заключает Дюпортей. Успех приложения во многом объясняется тем, что патриархальная модель необычайно живуча и может принимать множество форм. Одна из этих форм — якобы свободный рынок сексуальности, где преимущества мужчин побогаче и женщин помоложе в прямом смысле слова оказываются запрограммированы в социальную интеракцию.

Третья форма зависимости, о которой пишет Дюпортей, — это зависимость эмоциональная. Tinder — это поставщик быстрого дофамина, инструмент мгновенного поднятия самооценки. Здесь всегда можно получить лайк, убедиться в своей желанности, почувствовать себя звездой. Зависимость возникает не только потому, что в приложении всегда можно «найти кого-то получше», — но потому, что этот воображаемый «кто-то получше» может поставить свой суперлайк тебе и на секунду утолить тошнотворное чувство одиночества. Но быстрый дофамин требует жесткого самоконтроля, основной принцип которого емко

сформулировал один из «мистеров», встреченных Дюпортей: «Я не влюбляюсь в девушек из Tinder». Кто хочет быть успешным на рынке свайпов, не должен «залипать». А если залипнет, то через несколько дней Tinder пришлет ему озабоченное сообщение: «Вы давно не заходили в приложение». Все ли с вами в порядке, дорогой пользователь? Или вы опустились до уровня Дюпортей, «единственной дуры, умудрившейся влюбиться в Tinder», этого «планктона на нижней ступеньке любовной лестницы».

И все же: даже узнав о Tinder печальную правду, многие из нас все равно не захотят — и не смогут — от него отказаться. Во-первых, кому-то просто везет: каков бы ни был алгоритм приложения, некоторым удастся встретить с его помощью людей, с которыми приятно провести ночь, год, остаток жизни. Во-вторых, в индивидуализированном, глобализированном, постоянно меняющемся мире Tinder решает проблему обретения новых контактов. Если последние поколения XX века еще в основном знакомились на работе, по месту учебы или через родственников, то их дети — и теперь уже внуки — часто не имеют ни постоянной работы, ни постоянного места учебы, ни постоянно проживающих рядом родственников. Tinder заменяет им соседку, школьного друга, двоюродного брата или сестру — он вводит их в мир других людей.

Мы не сможем отказаться от Tinder — но мы можем задуматься о том, как именно мы хотим его использовать и как именно мы хотим обращаться с людьми, с которыми нас сводит его цифровая воля. Принимая во внимание то, о чем рассказывает книга Дюпортей, у нас есть шанс задуматься о том, как бороться с несвободой, которую нам навязывают. Пожалуй, главный вывод, к которому приводит эта

книга, — это вывод о необходимости сделать эмпатию главным ориентиром как в поиске партнеров, так и в общении и в расставании с ними.

Сейчас, в момент, когда я пишу эти строки, а издательство готовит книгу Дюпортей к печати, Европа охвачена пандемией коронавируса. В больших городах установлен жесткий карантин, социальные сети полны паники, а пользователи Tinder выкладывают в свои профили фото с рулонами туалетной бумаги и пачками макаронных изделий. Но неловкие и надоедливые мемы о карантинном дефиците стали не единственным новым явлением в Tinder. По наблюдению самих пользователей, гораздо важнее совсем другая тенденция: в мир дейтинга вернулись долгие ухаживания, двухнедельная переписка, ожидание встречи, разговоры о чувствах: страхе, растерянности, одиночестве в самоизоляции. Возможно, карантин принесет в Tinder сочувствие и тепло, которые в него не смогли принести времена по-лучше. И хочется верить, что они не исчезнут оттуда вместе с изобретением вакцины от сухого кашля.

Эта грустная книга может сделать свободнее всех нас — людей, чья жизнь управляется сотнями неизвестных нам алгоритмов. Вместе с издательством Individuum я ставлю ей большой суперлайк.

Полина Аронсон, социолог, журналист. Редактор порталов openDemocracy Russia и dekoDer, постоянный автор Colta.ru

5 звезд на BlaBlaCar

Я заранее пришла на тренировку: жду начала, прислонившись к стене. Скрип кроссовок по линолеуму напоминает мне о школьных уроках физкультуры, когда мы все толпились в едва отапливаемом коридоре спортзала, запасаясь терпением перед нескончаемым часом гандбола или какой-нибудь другой ненавистной командной игры. Разница лишь в том, что отопление здесь отлично настроено, и из всех присутствующих я одна одета, как в школе. Я резко выделяюсь на фоне девушек с идеально заплетенными косами, которые элегантно развеваются, когда они бегают по дорожкам, как грациозные газели.

Я стараюсь плавно соскользнуть по стенке и сесть на пол, но не сразу замечаю, что моя футболка зацепилась за угол доски объявлений. Пока я сажусь, она задирается и тянет за собой доску, а я торможу на полпути в недоумении. Я несколько секунд стою в нерешительности и не понимаю, почему мой живот у всех на виду. В конце концов одна девушка, в глаза которой я не решаюсь посмотреть, освобождает меня со словами: «Женщина, у вас футболка зацепилась».

Женщина! На дворе 2014 год, мне 28 лет, и всё чаще меня называют женщиной, а не девушкой. Каждый раз немного больно это слышать, словно заноза в пятке напоминает о себе.

Наконец, устроившись на полу, я достаю телефон, чтобы придать себе уверенный вид. Утром я скачала Tinder – приложение для знакомств, созданное в 2012 году и появившееся во Франции год спустя. Оно моментально набирает популярность благодаря удобному интерфейсу: здесь не нужно рисоваться, если вам кто-то понравился. Просто смахните вправо, чтобы поставить пользователю лайк, или влево, чтобы его пропустить. Именно этот жест называют «свайпом». Если человек, который вам понравился, лайкнет вас в ответ – произойдет «мэтч», и вы сможете поболтать. А если нет, то ничего не происходит.

Tinder и абонемент в спортзал – все в один день! «Идеальный набор после расставания», – написала я в фейсбуке своей подружке Зоз*, изображая уверенность во время приступа отчаяния. Теперь Tinder и спортзал для меня навсегда будут связаны с одной простой мыслью: если хочешь выделиться, надо работать над собой.

Эта мысль впервые посетила меня в прошлую субботу, когда я наткнулась в фейсбуке на рекламу спортзала. Судя по всему, это произошло не случайно: в феврале 2017 года Facebook опубликовал на сайте Facebook IQ, посвященном брендам, исследование** о поведении своих пользователей после расставания. Статью потом удалили, но текст все еще

---

* Имя изменено. — Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

** What Mends a Broken Heart on Facebook, Insights.fb.com, 3 февраля 2017 года, сейчас статья удалена.

можно найти — его перепостило множество СМИ*. Социальная сеть объясняла рекламодателям, почему им нужно покупать рекламу, таргетированную на пользователей, только что разорвавших отношения. По словам Facebook, эта категория пользователей склонна «экспериментировать и искать новые хобби». Это утверждение подкреплялось статистикой: 55% пользователей фейсбука отправились в путешествие сразу после расставания.

На самом деле Facebook не обязательно было проводить целое исследование, чтобы выяснить, что человек в расстроенных чувствах склонен к переменам в жизни. Спросите у парикмахеров, сколько клиентов приходит к ним, чтобы перекрасить волосы после расставания с партнером. Но Facebook двигает этот концепт дальше, как бы предоставляя парикмахерам список людей, которые только что пережили разрыв отношений.

До начала занятия 15 минут, время еще есть. Я впервые открываю Tinder. Приложение просит выбрать фото для профиля из тех, что есть у меня в фейсбуке. Просмотр фоток добавляет мне уверенности в себе. Я вспоминаю, что представляю из себя нечто большее, чем бесформенный овощ в растянутой футболке и старых легинсах, чьи резинки просвечивают через ткань. Сидя тут, я чувствую себя водорослью, глубоководной странной водорослью с листьями-резинками, которую треплют течения. На всех этих фото я с неизменной улыбкой и идеальной укладкой

---

* Удаленное исследование цитируется в статье: Comment Facebook commercialise vos chagrins d'amour [онлайн-версия], Capital.fr, 6 февраля 2017 года.

стою в выигрышных позах: никаких выбившихся прядей, складок на животе и целлюлита на бедрах.

Трудно поверить, что эта водоросль и «идеальная я» — один и тот же человек. Я ищу фотографии, лучше всего маскирующие мою подводную сущность, то дно, где живут мои самые темные, пугающие и постыдные мысли, похожие на жутких рыб, которые обитают среди обломков кораблей и никогда не видят солнечного света. Видны ли огромные кальмары моих неврозов на той фотке, где я позирую в ярко-синем шарфе у Тейт Модерн — лондонского музея современного искусства? А на этой, где я стою в новогодней шапке и помешиваю глинтвейн, — заметно, как сильно я нуждаюсь в любви?

Останавливаюсь на фото в каное: тут у меня развеваются волосы и не видно жира на руках. В сердце кольнуло — эту фотографию сделал мой бывший. Можно ли ее выбрать для Tinder? Нет, ну конечно, нет... Но фотка же такая классная... «Если она поможет мне встретить новую любовь, это можно будет считать подарком от бывшего», — убеждаю я себя, пытаясь оправдать собственную неделикатность.

В моем профиле появляются возраст и профессия — эта информация автоматически подгружается из фейсбука. В поле «Обо мне» пишу: «5 звезд на BlaBlaCar». Вроде бы выглядит неплохо. Чтобы не попасть в категорию «Бриджит Джонс», нужно уметь лукавить — все одинокие девушки за тридцать это знают. Я хочу показать, что отлично понимаю концепт «ярмарки съема» и нахожу его забавным, ведь я выше всего этого. В мире одиноких есть победители и проигравшие — досадно, но это так; есть те, кто командует, и те, кто подчиняется. Если я хочу кого-то подцепить, даже на одну ночь или на час, мне нужно вписаться в первую категорию. А для этого надо относиться к жизни с легкой иронией.

В любом случае прямо сейчас я не ищу серьезных отношений. Я только переехала в свою новую квартиру и хочу пожить без забот, хочу ходить по барам и целоваться на заднем сиденье парижского такси, хочу танцевать по ночам и целыми днями валяться в кровати.

Я выхожу из спортзала и отправляюсь за спортивной формой в American Apparel. Это самые дорогие черные леггинсы и базовая футболка в моей жизни. Но мне все равно — форма-то нужна. Стоя в очереди на кассу, я снова открываю Tinder.

Как такое возможно? Мне не кажется? Все эти мужчины меня лайкнули? Все эти блондины, брюнеты, бородачи, хипстеры в очках (в то время они еще не носили эти дурацкие шалочки), все эти двадцати-тридцатилетние завоеватели — все они меня лайкнули? На самом деле в этом не было ничего странного. Подавляющее большинство мужчин до того, как Tinder ограничил количество лайков, смахивали всех девушек вправо и уже потом выбирали. Но поначалу я повелась на эту сладкую иллюзию. Я получила дозу нарциссизма, будто мне сделали внутривенную инъекцию. Еще бы: я понравилась стольким парням сразу!

Снова просматриваю фото в профиле: ну да, все логично. Я ведь хороша! На самом деле хороша, нет, ну правда! В животе начинают порхать бабочки, словно я влюбилась. И я далеко не единственная, кто ищет утешения в черном зеркале смартфона: согласно исследованиям*, женщины чаще пользуются Tinder для повышения самооценки,

---

* Love at First Swipe? Explaining Tinder Self-Presentation and Motives, SAGE, 2017, vol. 5, Giulia Ranzini, VU University Amsterdam, The Netherlands Christoph Lutz, BI Norwegian Business School, Norway.

тогда как мужчины хотят найти себе пару или отношения на одну ночь.

Поначалу я упиваюсь этим. Каждый мэтч латает дыры в моей самооценке, словно микропластырь. Ноги немеют от каждого уведомления. Я скачиваю все приложения для знакомств. Happn – французский конкурент Tinder. Приложение позиционирует себя несколько иначе: его задача – свести вас с людьми, которых вы встречали, но не решились познакомиться. Тут нет никаких свайпов, перед вами просто появляется список пользователей, находящихся поблизости. OkCupid – приложение Match Group, разработчика Tinder. У него есть веб-версия, где надо заполнять более привычный профиль, отвечая на вопросы о себе. AdopteUnMec – французский пионер онлайн-дейтинга, позиционирующий себя как «феминистический». В своей рекламной кампании они предлагали женщинам выбрать себе пару среди мужчин на витринах.

Но моим любимым все равно остается Tinder, ведь каждый мэтч заставляет сердце биться чаще. Я просыпаюсь по утрам и сразу же хватаюсь за телефон, не успев встать с кровати, чтобы скорее узнать, сколько мужчин мне написали.

Я назначаю свидания одно за другим. Я придумала собственную технику: назначать свидания так, чтобы после них у меня всегда были другие планы. Например, можно договориться о встрече в баре в 19:00, с условием, что я приглашена на ужин или день рождения в 20:30. Так я оставляю себе возможность сбежать, если будет скучно или некомфортно (давайте честно, почти каждый раз именно так и бывает). В конце концов, если мы друг другу понравимся, всегда можно встретиться во второй раз.

Сидеть в Tinder на телефоне, конечно, весело, но каждый раз, когда я прихожу на свидание в кафе, кажется, будто все знают, что мы познакомились в интернете, и в этом есть что-то стыдное. К тому же вести беседу с абсолютно незнакомым человеком не так просто. Я всегда рассказываю одно и то же: «Да, да, я выросла в Бретани, переехала в Париж после школы, а ты откуда?», «Да, да, я журналистка, но не волнуйся, я не буду про тебя писать». (Ну... вообще-то это уже не совсем так!) Я мечтала о страстных поцелуях на пороге квартиры, а теперь все это больше напоминает череду собеседований. Ну и ладно. Я испытываю свои силы соблазнения, и моему эго это только на благо.

*

Я больше не чувствую себя изгоем в спортзале, ведь теперь мои розовые кроссовки сочетаются с топом. Между занятиями я открываю приложение и вспоминаю свой первый приход сюда даже с некоторой жалостью.

Однажды в пятницу днем я снова здесь, сижу на лестнице, рядом — бутылка воды, я переписываюсь с четырьмя, пятью, шестью мужчинами одновременно. Ни одного из них я сегодня не вспомню. Я чувствую себя сильной, чувствую, что веду игру. Мне кажется, будто я стала одной из тех женщин, чьи истории девчонкой читала в мамином Elle. «Клоэ, 31 год, пресс-секретарь», которая «с улыбкой говорит, что у нее нет времени на любовь, залетая в офис со стаканчиком тыквенного латте в руке». Одной из тех тридцатилетних девушек из песен Венсана Делерма, которые я слушала в семнадцать лет.

С первого же дня в Tinder я перестала чувствовать себя неудачницей в любви. В своих последних отношениях

я вечно боролась, боялась, ждала, ревновала, а потом чувствовала себя виноватой за эту ревность. С парнем, который был до этого, — то же самое. Сколько себя помню, я всегда была не на той стороне баррикад. Теперь же я чувствую, что все козыри — у меня, что я веду игру, что я вроде альфа-самки, волчицы во главе стаи. Что я уже не та, кто с дрожью ждет ответов на сообщения, не та, кто бегает за парнями. Наконец-то я освободилась от этих гигантских кальмаров...

«Ты принадлежишь к тому 1% красавиц, которые получают все, что захотят», — пишет мне какой-то мужчина, и что самое ужасное — мне это нравится. Теперь я заняла выгодную позицию в этой иерархии, описанной в «Расширении пространства борьбы» Уэльбека.

Мои труды в спортзале дали свои плоды, я выгляжу круто, как никогда. К весне я осуществляю одно из своих главных желаний — покупаю джинсы-скинни 42-го размера. Светло-голубые джинсы от Zara, которые я буду носить, даже когда они станут мне маловаты. Для многих девушек размер джинсов — всего лишь цифра, но для меня это был священный Грааль. Когда я выходила из магазина, на глаза навернулись слезы. Похожие эмоции я испытывала после получения аттестата и водительских прав, поступления в престижный университет и публикации первой статьи. И мне кажется, это нормально.

Речь тут не об удовольствии от тренировок, пройденного марафона, преодоления себя или еще чего-то в этом роде. Нет и еще раз нет. В тот день я заплакала от счастья, потому что моя пятая точка наконец достигла официально признанного стандарта красивой задницы. Я всегда была толстушкой, а теперь как будто отомстила всем тем дебилам с уроков физкультуры.

Я совершенно не отдаю себе отчет в том, что дело не в месте, я всего лишь присоединилась к их когорте и стала сама себя оскорблять. Себя из недавнего прошлого, когда я носила 46-й размер, — ту себя, к которой я, несомненно, скоро вернусь. Я оскорбляю всех женщин больше 42-го размера, поскольку чувствую свое превосходство над ними. Если честно — да, я злорадствую.

Я плачу от радости, хотя это скорее капитуляция. Я только что признала, что готова тратить деньги, время и силы, чтобы соответствовать чьим-то нормам. Радуясь, что мое тело стало влезать в нужный размер одежды, я совершенно забываю, что это вещи должны мне подходить, а не наоборот. Лишь позже я пойму, что в этот момент я совершенно не уважала саму себя. Я — жертва сексуального капитализма и послушный щенок патриархата, спешащий выставить напоказ свой конформизм, виляя хвостом. И меня это больше не волнует, ведь, пока я барахталась в собственном величии, как поросенок в грязи, мой мозг совершенно атрофировался.

Но очень скоро я спущусь с небес на землю.

Секретная оценка

В офисе Figaro.fr, где я работала в течение трех лет, редколлегия начинается в 8:45. Прихожу чуть пораньше, чтобы почитать новости — я решила полистать американские новостные сайты в надежде выудить что-то интересное и предложить на летучке. Никаких идей. Но тут мое внимание привлекает одна статья на сайте Fast Company — это деловой журнал вроде Capital.

«Я выяснил свой тайный рейтинг востребованности в Tinder и жалею об этом»*. Остин Карр, автор материала, встретился с Шоном Рэддом, одним из основателей и генеральным директором Tinder, чтобы написать его профайл. Журналист узнал о существовании системы внутренней классификации пользователей Tinder за ужином, во время которого Рэдд похвастался, что его рейтинг выше, чем у других.

Оказалось, что каждый пользователь Tinder получает оценку в соответствии с его уровнем востребованности.

---

* I Found Out my Secret Internal Desirability Score and Now I Wish I Hadn't [онлайн], FastCompany.com, 11 января 2016 года.

Что? Я знала, что Uber выставляет оценки пассажирам, и мы с друзьями часто ради забавы сравниваем свои рейтинги. Неужели Tinder тоже?

«Это не оценка внешней привлекательности, — объясняет Шон Рэд в статье. — Речь идет не о подсчете того, сколько раз вас свайпнули вправо или влево. Это очень сложная система, вычисляющая степень востребованности профиля. Мы потратили два с половиной месяца на разработку алгоритма, ведь во внимание надо принять огромное количество факторов».

Итак, каждому пользователю присваивается оценка по рейтингу Эло — это термин из мира шахмат, где именно с помощью него игроков распределяют в мировой классификации. Рейтинг Эло — часть особого раздела математики, теории игр. Она изучает и пытается спрогнозировать выбор человека в каком-либо взаимодействии.

Рейтинг был придуман в начале XX века Арпадом Эло, американцем венгерского происхождения, любителем шахмат и профессором физики. С тех пор система стала основой для множества классификаций не только в соревнованиях по игре в скрэбл или нарды, но и в спорте. В июне 2018 года FIFA даже заявила, что перейдет на рейтинг Эло для оценки игроков.

Рейтинг Эло — это коэффициент, присваиваемый каждому игроку в зависимости от предыдущих успехов в определенной области. Например, футболист зарабатывает очки, когда забивает голы или выигрывает матчи. Но поскольку обыграть мюнхенскую «Баварию» сложнее, чем «Генгам», за каждый выигранный матч присуждается разное количество баллов. Чем сложнее игра, тем больше очков! Та же логика работает, если вы проиграете противнику слабее.

«Если в игре World of Warcraft вы сражаетесь с сильным противником, то в конце битвы получите больше очков, чем если бы победили кого-то слабее», — поясняет в статье Fast Company продакт-менеджер Tinder. В приложении это работает так же: каждый раз, когда кому-то попадается ваш профиль, разыгрывается мини-турнир вроде шахматной партии или футбольного матча.

Вот как объясняет этот процесс менеджер: когда ваш профиль выпадает другому человеку, вы будто соревнуетесь с кем-то еще. Если против вас «игрок» с высоким коэффициентом и он вас лайкает — вы получаете очки. Если у него низкий рейтинг и он смахивает вас влево — очки снимаются.

Дочитав статью до этого места, я уже пришла в бешенство. В какой момент регистрации в Tinder нас предупреждают, что мы будем соревноваться? Как высчитывается изначальный коэффициент? Чем эта система выгодна пользователям? Почему у нас нет доступа к собственной оценке?

Продолжение статьи меня окончательно добило. После беседы с Шоном Рэдом, который «дразнил» его весь вечер, журналист направился в офис Tinder, чтобы узнать наконец свою оценку. Ни разу он не задался вопросом законности и справедливости подобных классификаций. В каждом слове статьи чувствуется намек на то, что Кремниевая долина — это закрытый клуб, куда нам, простым пользователям, ни за что не попасть. И для членов этого клуба шутить за ужином, прямо перед обсуждением скрытой от пользователей информации — обычное дело. Затем Остин Карр встретился с командой дата-аналитиков и задал им один вопрос: «Ранит ли мое самолюбие информация, которой вы со мной сейчас поделитесь?»

И все? Неужели ему больше нечего у них спросить? Как оцениваются профили? Зачем? Где хранятся данные? Кому они принадлежат? Продаете ли вы их рекламодателям? Я уверена, что список пользовательниц был бы очень интересен косметическим компаниям, сетевым фитнес-клубам и даже другим сайтам знакомств, которые смогли бы запустить для них таргетированную рекламу под лозунгом «Устала от Tinder?».

Иду на редколлегию. Ничего не слушаю и не предлагаю никаких тем, чувствую себя виноватой. Но никак не могу отделаться от этой истории с оценкой. Беру телефон и потихоньку продолжаю читать статью.

«Ты точно хочешь знать? Я бы не был так уверен... — отвечает ему Солли-Нолан из команды аналитиков. — Доступ к личной информации не такой уж пустяк. Ты узнаешь, сколько людей свайпнули твой профиль вправо, а сколько — влево».

В итоге мы узнаем оценку Остина Карра — 946, это «средний балл». Но мы толком не понимаем, чему соответствует эта цифра. 946 из скольки? По какой шкале? Если оценка меняется каждый раз, когда профиль попадает на глаза другому пользователю, то сколько раз в день, в час, в минуту или даже в секунду она обновляется? Вопросы так и остаются без ответов: статья построена вокруг эго автора, который пожалел, что узнал свою оценку, и этот опыт его жутко расстроил.

Интересно, как бы себя повела в такой ситуации журналистка, женщина? Разве мы не привыкли к тому, что все вокруг оценивают нашу внешность? Согласно исследованию Северо-Техасского университета, дейтинг-приложения вроде Tinder задевают мужское эго, ставя сильный пол

в «положение женщины»*. «Мужчины вдруг оказываются в ситуации, с которой женщины сталкиваются постоянно. Их оценивают и судят исключительно по внешнему виду», — объясняют исследователи. Женщины, в свою очередь, давно усвоили недостижимость канонов красоты, поэтому годами страдают от заниженной самооценки и склонны к самообъективизации.

Я отлично помню свой первый опыт самообъективизации. Мне было 15 лет. Подруга Зоэ, с которой мы дружим с четвертого класса, написала мне письмо. Разъезжаясь на каникулы, мы всегда писали друг другу длинные письма розовыми, зелеными и синими ручками на тетрадных листах, меняя цвет чернил по ходу рассказа. Я всегда слегка завидовала (да и сейчас завидую) красоте и уверенности Зоэ.

Я на лыжном курорте. Жду родителей в машине, они отошли в магазин. Ну и хорошо, можно пока почитать последнее письмо Зоэ под светом витрин магазинчиков этой деревеньки, расположенной на склоне горы. В машине все еще тепло, хотя за окном минусовая температура. Я слышу запах холода, проникающего в салон сквозь щели. Скоро с дыханием изо рта начнет выходить пар, хоть я и не на улице. Я постоянно улыбаюсь, ведь мне недавно сняли брекететы, и я «очень горжусь своими новыми зубами».

Беру заледеневший мандарин, который весь день пролежал в машине, с трудом чищу его. Мерзлый фрукт нагревается в руках, мне удается отломить кусочек. Дольки тают во рту, пока я читаю письмо.

---

* Love Me Tinder: Body Image and Psychosocial Functioning Among Men and Women, 21 июня 2017 года, Jessica Strübel, PhD, of the University of North Texas, with Trent Petrie, PhD, also of the University of North Texas.

Я уже забыла, о чем шла речь в остальном письме, но Зоэ рассказывала, как гуляла в парке с Тристаном*, нашим одноклассником. Тристан раздавал оценки девчонкам из нашей компании — вот что я никогда не забуду. Помню округлый почерк Зоэ, абзац был написан зелеными чернилами, у нее был специальный прозрачный пенал для этих ручек с разными запахами. Зеленая, кажется, пахла яблоком. Зоэ поставили 9,5. Она всю жизнь была девчонкой на 9,5. Я даже почти обрадовалась... Нет, давайте начистоту. Прости, моя бедная Зоэ, я действительно очень обрадовалась, когда много лет спустя ты сообщила мне, что беременна, ведь наконец твоя фигура должна была измениться. Я дочитала оценки всех девочек из нашей компании. До сих пор помню, как меня ранил тот факт, что я получила худшую — 5 из 10. «Какого черта? И это несмотря на мои проклятые новые зубы?» — подумала я. «Тристан сказал: поставим ей средний балл, потому что она очень милая! Но немного толстовата», — потрудились передать подробности Зоэ.

Я ненавидела ее за то, что она нашла время, чтобы записать комментарий Тристана, запомнить каждое слово, каждое существительное, прилагательное и наречие. «Немного» — это он сказал или она добавила из угрызений совести? Мозг закипает от того, как сильно мне хотелось возразить и Зоэ, и Тристану. Я не знаю, с чего начать, не знаю, что кричать. Но крик сковывает железная уверенность в том, что я сама виновата в своих несчастьях. Где-то в глубине интуиция подсказывает, что нанесенное мне оскорбление несправедливо, но вместо того, чтобы это признать, я позволяю унижению поглотить меня. Оно шепчет, что я сама

---

* Имя изменено.

во всем виновата, оно поворачивает мой же гнев против меня: я слишком толстая, я недисциплинированная, у меня нет силы воли, никто не полюбит такую толстуху, как я.

Такие приступы гнева стали для меня привычными, я испытывала их десятки, сотни раз. Самый ранний, насколько я помню, случился со мной в возрасте семи или восьми лет. По дороге в школу я пыталась понять, действительно ли мои бедра стали сильнее тереться друг об друга при ходьбе, чем вчера. Я наблюдала за тем, как протирается ткань моих лосин в цветочек, смотрела на других девочек и гадала — а у них так же?

Тем утром, вернувшись с редколлегии, я делаю то же самое: исследую движения бедер, рассматриваю, протерта ли ткань, трясется ли жирок?

Ведь в глубине души я, как и Остин Карр, мечтаю о высокой оценке. Зачем она мне? Чтобы отыграть за прошлое? Чтобы потешить эго? Во мне бурлят противоречивые эмоции. С одной стороны, я хочу быть Зое, официально признанной красоткой, которой ставят 9,5 из 10. С другой — меня бесит сам факт того, что нас оценивают и объективизируют, словно вещи. Эти мысли скрежещут в моей голове, два порыва вступают в непримиримую борьбу.

Но они, будто кремни, которые дают искру от соприкосновения, высвобождают во мне вулканическую энергию. Мне просто необходимо больше информации. Даже если бы я не была журналисткой, мною бы овладело непреодолимое желание как можно больше разузнать об этой системе оценок. Само ее существование задело меня за живое. Да, я хочу быть красивой, но не слишком переживать на этот счет; хочу быть соблазнительной, но чтобы при этом меня

воспринимали как личность, а не объект. Все эти страхи и тревоги между фривольностью и феминизмом разгорелись во мне с новой силой. Я хочу выяснить свою оценку и понять, как работает самое успешное приложение App Store с оборотом 800 миллионов долларов в 2018 году.

Tinder теперь не публикует общее количество своих пользователей*. В конце 2015 года речь шла о 60 миллионах подписчиков. То есть о 60 миллионах секретных оценок. Страшно даже подумать, как это выглядит. Мне представляется бесконечная таблица Excel, заполненная мелким шрифтом, где содержатся имена всех пользователей на десятках языков в первом столбце, а в соседнем – оценка. Или, например, виртуальный рынок, наподобие Уолл-стрит, где можно в режиме реального времени наблюдать, как меняются котировки предприятий, но вместо фирм здесь представлены 60 миллионов фотографий из Tinder, а рядом трехзначное число, которое постоянно меняется. Среди них затерялась и моя фотография с синим шарфом у входа в Тейт Модерн. Интересно, с какой оценкой?

---

* Tinder сообщает только о количестве пользователей с платной подпиской. Их 4,1 миллиона по состоянию на конец 2018 года.

Поторопись

Начинать расследование — скучная и неблагодарная работа, которую никогда не показывают в сериалах и фильмах про журналистов. Никаких вам тайных ночных встреч и передач заветных флешек на подземных парковках.

Нет, ничего подобного.

Это больше похоже на работу торгового представителя — ведь надо отправлять десятки, сотни мейлов. В продюсерских конторах, выпускающих передачи вроде «Специального корреспондента», работают десятки «следователей». Часто это молодые, только выпустившиеся журналисты, которые выполняют всю черновую работу перед тем, как в бой вступят их более опытные коллеги. Они связываются со всеми, кто так или иначе имеет отношение к объекту их изучения, беседуют с журналистами, которые хотя бы кратко писали на схожую тему, в поисках зацепок. И ради одной такой стоящей зацепки порой приходится опросить десятки людей.

На телевидении все не так просто. Среди согласившихся пообщаться респондентов нужно отобрать тех, кто хорошо смотрится на экране, выглядит достаточно презентабельно и умеет складно излагать свои мысли. Я отлично знаю,

как это работает, ведь сама была следователем-фиксером в американской продакшн-компании. Фиксер — это человек, который помогает иностранным журналистам работать в своей стране.

За меня, естественно, никто не будет проводить предварительное расследование. Я наливаю кофе, сажусь за кухонный стол прямо в пижаме и составляю список того, что надо сделать перед началом расследования. Я только что уволилась из Figaro, так что теперь работаю из дома. Это была отличная работа, но она стала мне надоедать. К тому же хотелось бы строить карьеру в издании, более подходящем мне по духу. Так что я перешла на фриланс и поклялась работать только над теми сюжетами, которые мне действительно интересны. Например, над оценкой в Tinder!

Я должна связаться со CNIL*, французским государственным органом по защите персональных данных, чтобы узнать, как получить доступ к информации в Tinder, имеющей отношение ко мне лично. Я также обращаюсь в потребительские общества, к адвокату, к активистам по защите прав в цифровом пространстве... Забрасываю десятки удочек, как рыбак, и только потом буду разбирать улов. Разумеется, я пишу в Tinder. Но нет никакой гарантии, что в конце концов мне удастся выяснить свою оценку.

Я сочинила письмо-шаблон, которое персонализирую для каждого адресата. Например, обращаясь к эксперту, всегда важно добавить пару слов о том, почему вы решили написать именно ему, и заодно показать свою осведомленность в его работе. Нотка лести никогда не повредит. Раньше я на такое

---

* Commission nationale de l'informatique et des libertés — Национальная комиссия по вопросам информационных прав и свобод Франции. — *Прим. ред.*

не решалась, думала, что это «слишком», но потом заметила, что куда чаще люди отвечают на письма, в которых были фразы вроде «для нас будет честью представить читателям вашу экспертизу». Важно заранее уточнить, чего вы ждете от собеседника, либо дать ему несколько вариантов. Обычно я формулирую предложение примерно так: «Для начала мы могли бы поговорить неформально, не для публикации, прежде чем обсуждать ваше возможное участие в проекте». «Обсуждать», «возможное» — нужно оставить собеседнику место для маневра, уверить его, что речь пока не идет ни о каких обязательствах и его никто не торопит.

Впрочем, я так пишу, словно нашла волшебный рецепт успеха, но на самом деле мне пока все отказывают. CNIL не отвечает. Представители ICO*, британского государственного органа, отвечающего за защиту персональных данных, ответили, что не смогут мне помочь. Tinder — американская компания, а значит, мой вопрос находится вне их юрисдикции. Я обратилась в несколько французских ассоциаций по защите прав потребителей, но все они ответили одно и то же: ничем не можем вам помочь, поскольку вы используете американский продукт. Создается впечатление, что законы максимально далеки от реальности. Получается, чтобы мои права уважали, мне придется пользоваться только французскими приложениями для знакомств?

Чувствую себя шизофреничкой. Даже в перерывах между отправкой писем, связанных с расследованием, я хватаюсь за телефон, чтобы проверить Tinder. Я пользуюсь

---

* Information Commissioner's Office — Британская информационная комиссия. — Прим. ред.

приложением уже полтора года и открываю его как минимум раз в день. В метро, когда смотрю телевизор или просто валяюсь в кровати. Может быть, стоит полностью от него отстраниться? Не будет ли лучше для этой работы, если я выйду из контекста выбранной темы? Вряд ли.

На самом деле я просто не могу остановиться. Tinder стал частью моей ежедневной рутины, как чистка зубов или утренний кофе. Открываю приложение, вижу кучу новых мэтчей, радуюсь, закрываю. Перевариваю.

Если бы я взялась за расследование, не объяснив, почему эта тема меня так трогает, не показав изнанку своей жизни, не рассказав о собственных похождениях, может быть, я казалась бы объективнее и серьезнее. Но это было бы нечестно. Я неспроста взялась за это расследование, это не доверенный мне кем-то сюжет — это моя тема, мое приключение.

Что касается моей личной жизни, начальная Tinder-эйфория быстро прошла. Достигнув пика, она закончилась так же резко, как и началась. Случилось это после истории с Хаски. А Мистер Лонг-Айленд забил последний гвоздь в крышку гроба.

Мы встретились с Хаски — я так прозвала его за ярко-голубые глаза — через несколько часов после того, как случился мэтч. Он стал первым, кто мне действительно понравился в самом начале моего опыта с Tinder, когда приложение еще тешило мое самолюбие. Я страшно скучала во время субботнего дежурства в Figaro, и он приехал пообедать со мной. «Я буду в светло-голубых джинсах», — уточнила я, чтобы Хаски точно меня узнал. В тех самых джинсах 42-го размера, которые я надевала чуть ли не каждый день, пока могла в них влезть.

Место встречи — бульвар Османн. Я вижу, как он переходит дорогу, чтобы поздороваться со мной, и мое сердце сразу ёкает. Почему некоторые люди нравятся нам вот так, с первого взгляда? Это все из-за темно-синей куртки? Или кроссовок цвета хаки? Может, из-за мечтательного взгляда? Мы застенчиво целуем друг друга в щеку и молча направляемся к террасе кафе, расположенной в нескольких шагах. С ним мне не страшно, что люди догадаются, как мы познакомились, я даже немного горжусь.

Однако наша беседа проходит не так гладко.

Он уставился в свой латте и лишь изредка осторожно поднимает взгляд — когда я отворачиваюсь в другую сторону. Я осознаю это через некоторое время, когда краем глаза замечаю, что он смотрит на меня. Так что я ничего не делаю, притворяюсь, что не вижу, позволяю ему рассмотреть меня, сижу прямо, втягиваю живот, стараюсь выдохнуть сигаретный дым чувственно, как актриса. Надеюсь, я не выгляжу нелепо и покажусь ему красивой. Потом он скажет, что смотрел на мои губы, что обожает мои губы. Пока он присматривается, кажется, будто он ласкает меня кончиками пальцев, как гладят спящего, которого не хотят разбудить.

Эта игра в гляделки длится всего несколько секунд, но мое дыхание незаметно ускоряется. «Пожалуйста, не порть все, не рассматривай меня сальным взглядом с головы до пят, — беззвучно умоляю я. — Даже если ты думаешь, что я тебя не вижу, не будь таким мерзким, прошу!» Женщины знают этот взгляд. Взгляд сексуальных маньяков, взгляд, который вас пожирает, раздевает, унижает. Хаски не сводит глаз с моего лица, а потом снова опускает взгляд в чашку кофе. Разговор возобновляется, уже не помню о чем, я едва его слушаю.

«Что ты делаешь вечером? Клянусь, я буду более разговорчив после пары кружек пива». Я улыбаюсь, прочтя его сообщение, полученное в лифте сразу после того, как мы расстались. Еще больше улыбаюсь, когда после тех самых двух кружек пива он целует меня на стоянке каршеринга на площади Республики. Я улыбаюсь, но мне страшно.

После первого поцелуя я предельно ясно и четко заявляю о своих намерениях: я не ищу ничего серьезного и совершенно точно не хочу снова влюбляться, «слышишь, никогда!». Сейчас я понимаю, что вела себя как маленькая девочка, которая произносит заклинание в надежде, что слов будет достаточно, чтобы что-то предотвратить. Особенно если это «что-то» на самом деле уже происходит.

История с Хаски длилась четыре месяца. Мое сердце билось быстрее каждый раз, когда я видела на экране телефона голубые кружочки его сообщений, когда он скидывал мне фотографии всех парковок каршеринга, мимо которых проезжал, или признавался, что нюхает пробники моих духов, когда скучает по мне. Я шикаю, когда он слишком громко смеется в постели, ведь мы можем разбудить моих соседей по квартире. И все это время в голове крутится один и тот же вопрос: если это не воспоминание, не возвращение к прошлому, то, быть может, это рождение новой любви? В конце концов, Жюдит, чего бояться? Ты теперь не просто середнячок на 5 из 10, плыви по течению, ведь ты достойна любви!

— Я никогда не смогу полюбить девушку из Tinder. Это невозможно.

Все тот же ускользающий взгляд, который меня соблазнил, но на этот раз он уставился в кружку пива на террасе кафе на Фобур-Сен-Дени. В Париже столики в кафе всегда

стоят очень близко друг к другу, и я боюсь, что другие посетители нас услышат. Боюсь, что они поймут, что меня бросает молодой человек. В тот момент я почему-то сфокусировалась именно на этом. Не хочу, чтобы соседи нас услышали, не хочу потерять лицо. Отвечаю шепотом, наклонившись к нему, в надежде, что он поступит так же:

— Какая разница, что мы познакомились в Tinder? Я все тот же человек...

К тому же я такая красивая! Так и хотелось добавить, что я никогда еще не была такой стройной. Я никогда еще не была такой милой! Хаски, да что на тебя нашло? Смотри, я ношу джинсы 42-го размера! 42-го! Неужели даже стройных девушек бросают? Почему ты меня не любишь?

— Что?

Он говорит слишком громко, соседи оглядываются. Что подумает эта идиотка в очках? Если она догадалась, то точно будет смеяться надо мной со своим другом, когда я уйду: «Ну да! А что она думала? Хотела найти любовь в Tinder?»

— Но... Но я ведь все та же?..

— Я знаю. Честно, все было иначе, если бы мы познакомились на работе или где-то еще. Но не в приложении для переписки...

— Но почему? Что это меняет?

— Это не одно и то же. Сперва я строю дружеские отношения, а уже потом влюбляюсь.

— А, ну да, ну да... Я понимаю, — соврала я в конце разговора.

Вот так закончилась наша история. Поскольку официально мы никогда не были вместе, я стараюсь убедить себя, что официально не грущу.

Месяц спустя я соглашаюсь на свидание с мужчиной, разговор с которым никогда не забуду. Мы встречаемся в итальянском баре возле моего дома. Он довольно симпатичный парень, поначалу я надеюсь, что мы понравимся друг другу и он заставит меня забыть Хаски.

Едва сев за стол, он начинает все критиковать. Кажется, первое, что он мне сказал, было: «Мне понравилось, что ты сама выбрала бар. Обычно девушки оставляют все решения парням, и это вообще не круто. Ты берешь инициативу на себя, это хорошо. Но я разочарован выбором места».

Он спрашивает совета у бармена, не знает, какой коктейль выбрать. Я не слышу ответа, но в глазах своего собеседника вижу растущее раздражение. Он кладет на стол меню с тяжелым вздохом.

— Ну раз так, я возьму «Лонг-Айленд».

Я его уже возненавидела, но все еще надеюсь, что ситуация может наладиться. «В начале свидания ты был невыносим», — представляю себе, как весело признаюсь ему через несколько часов. Я пытаюсь встретиться взглядом с официантом, пока делаю заказ, чтобы улыбнуться ему и дать понять, что я не такая, как мой спутник. Но официант смотрит в пол.

— Здорово, журналистка Figaro, завтра расскажу коллегам, что выпивал с тобой в баре, это круто звучит.

Я делаю два больших глотка своего напитка и беру его стакан: «Можно попробовать твой „Лонг-Айленд“?» Хочу поскорее напиться, чтобы это свидание перестало быть настолько ужасным.

Надо было немедленно встать и уйти, надо было. Отвечаю на вопросы, которые он мне задает, и все думаю, как бы выкрутиться. Встать и уйти? Сказать: «Извини, но это не мое»,

«Извини, мне жутко некомфортно», «Прости, но ты козел». Почему я вообще должна извиняться, почему извиняться должна я?

— Сколько, говоришь, тебе лет? 28?

— Да, 28.

— А, тебе повезло, выглядишь моложе. Но, знаешь, хочу тебе сказать, ты поторопись. После 30 начинается война! Все мои коллеги-женщины в отчаянии.

Этот парень вообще с кем-нибудь общается, кроме коллег?

— Тебе только исполнилось 28 или скоро уже 29?

Он выводит меня из себя своей зацикленностью на возрасте.

— Ты так говоришь, потому что тебе уже 34 и у тебя никого нет?

— Нет, у парней все по-другому, у нас куча времени, мы можем делать детей всю жизнь. К тому же мужчина всегда выберет женщину моложе, чем он, и это нормально. Пока что у тебя все нормально, у тебя есть все, что надо. Знаешь, когда мы с коллегами обедаем на террасе кафе или в ресторане, то смотрим на женщин и думаем, что им надо сделать, чтобы выглядеть идеально.

Неужели! Значит, это чувство, что нас судят по внешности, не только у нас в голове, и не только Tinder ставит нам оценки!

— Я бы с ними обсудил твою грудь, с самого начала, кажется, на нее смотрю. Она так же классно смотрится без лифчика? Ну а что? Ты же в Tinder не просто так? Разве нет?

Я закрываюсь в себе, словно устрица, встаю, надеваю куртку, выхожу из бара. Слышу, как он что-то кричит мне в спину, но инстинктивно его игнорирую, не улавливаю

ни одного внятного звука. Оставляю ему счет за этот чертов «Лонг-Айленд» и мой бокал розового вина.

Я поднимаюсь на третий этаж, тяжело шагая по лестнице, в оцепенении сажусь на диван прямо в пальто и с сумкой. Я в диком бешенстве. На него, конечно же, но и на себя. Этот козел написал мне сообщение: «?????????» Блокирую его номер.

Удаляю его в Tinder. Но этого недостаточно. На меня подействовал яд его отвратительных слов. Ненавижу себя за то, что не поставила его на место, что у меня не нашлось слов, чтобы заткнуть ему рот. За то, что не нашла лучшего варианта провести вечер, чем встречаться с таким парнем. Я думаю обо всех тех девушках, которые сейчас возвращаются домой с любимыми, садятся вместе ужинать, а потом посмотрят хороший фильм с бокалом вина. А меня довел первый попавшийся придурок.

Хватит себе врать. Первый год доказал, что быть одинокой гораздо труднее, чем я себе представляла. Я скучаю по Хаски и все еще надеюсь получить от него сообщение, которое так и не приходит. Почему нельзя влюбиться в девушку из Tinder? Я ведь делаю ВСЕ, что от меня требуется: я стройная, у меня длинные волосы и хорошее чувство юмора, я выполняю свою часть договора — почему же ничего не получается? Может, тот козел прав? Я уже старовата? Уже? Как это могло произойти так быстро?

Я продолжаю пользоваться приложением, но не решаюсь ни с кем заговорить. Я перешла в режим «подводной лодки» или «наркомана в завязке», как шутит Зоэ.

Мне страшно. Неужели так будет со всеми парнями? Какая разница, что мы познакомились в Tinder? Ответ потихоньку сам приходит ко мне. Человек, который не может полюбить вас из-за Tinder, — это человек, который просто не может вас полюбить, вот и все.

Мираж

Первый ответ на мои письма приходит от... Tinder. Через несколько дней мне назначают встречу на десять утра в кафе на Елисейских Полях с Жюлией и Луи* – консультантами в Navas, одном из крупнейших рекламно-коммуникационных холдингов Франции. Они занимаются связями Tinder с французской прессой. То есть для меня они одновременно и провожатые, и суровые охранники в мире Tinder. Они соглашаются встретиться и неформально со мной побеседовать, чтобы понять, «как мы могли бы сотрудничать». Они не скрывают, чем я их заинтересовала: я работаю с еженедельником Grazia и с его интернет-версией.

Оказывается, для сайтов знакомств «стоимость приобретения» пользователя женщины гораздо выше стоимости пользователя мужчины. На языке маркетинга этот термин обозначает затраты, необходимые для привлечения нового клиента, и женщин им гораздо сложнее заполнить.

---

* Имена изменены.

Поэтому упоминание на страницах женского издания для Tinder — большая удача.

Я говорю им, что специализируюсь на социальных темах. Никто не знает, что моя главная цель — раздобыть собственную оценку Эло. Сотрудничество с журналом Grazia идеально подойдет для моей задачи. Сейчас я предложу изданию пару сюжетов про Tinder, к тому же Grazia на редкость хорошо платит фрилансерам. Тем временем, я смогу подобраться поближе к Tinder как человек, способный помочь им в битве за французских пользовательниц. В итоге я получу возможность задать большим начальникам «настоящие вопросы». Как минимум я на это надеюсь. Я доверяюсь инстинкту, действую на ощупь. Чтобы заполучить мою оценку Эло, нужно, чтобы эти двое были на моей стороне. Я захожу в кафе, полная решимости заслужить их уважение.

Луи и Жюлия уже здесь. Они выглядят как типичные консультанты. У Луи идеально стриженная борода, он одет в темно-синий пиджак поверх безупречной рубашки и джинсы. Приятная улыбка и кашемировый джемпер — это Жюлия. Доброжелательный тон, сразу переходим на «ты», я слегка дразню их: «Вы позвали меня в шикарный район!» «Вы не подумайте, я сам живу на востоке Парижа», — улыбается Луи в ответ. Они очень милы. Мы примерно одного возраста, вероятно, с примерно одинаковым бэкграундом, и я не удивлюсь, если у нас есть пара десятков общих друзей в фейсбуке. «Не дай себя умаслить, это ведь их работа — быть милыми», — шепчет тихий голос в голове.

После знакомства речь заходит о Шоне Рэде, директоре Tinder и одном из создателей приложения. Тридцатилетний бизнесмен — сын иранских иммигрантов, выросший

в Беверли-Хиллз. На тринадцатый день рождения родители подарили ему первый смартфон, чтобы он не так сильно переживал из-за прыщей. По крайней мере, так он сам рассказывает в журнале Rolling Stone*. Шон мечтал стать рок-звездой, но родители дали ему понять, что в первую очередь надо зарабатывать деньги. Он поступил в бизнес-школу Университета Южной Калифорнии, но не вынес жизни в кампусе и вернулся к родителям.

В 2006 году он создал Adly, платформу, с помощью которой знаменитости могут управлять разными аккаунтами в социальных сетях. В 2012 Рэд продал свою долю в Adly и присоединился к Hatch Labs, инкубатору, где создаются мобильные приложения, финансируемому IAC (InterActiveCorp) — гигантской американской интернет-корпорацией, которой принадлежат 150 брендов по всему миру, в том числе Vimeo, CollegeHumor, Dictionary.com и самая крупная в мире группа в сфере дейтинга Match Group.

Именно здесь в сотрудничестве с еще пятью разработчиками, в числе которых лучший друг детства Рэда Джонатан Бадин, он придумывает Tinder. Шон Рэд рассказывает, как ему пришла в голову идея создания приложения, в интервью Business Insider**: они с друзьями сидели в кафе, когда ему вдруг улыбнулась женщина. Он описал, как именно понял, что ее улыбка была, по сути, приглашением к диалогу. Эта улыбка внушила уверенность человеку, который считал себя «очень застенчивым». Шон Рэд стал одержим идеей создания социального аналога «double opt-in» — это

---

* Inside Tinder's Hookup Factory [онлайн], RollingStone.com, 27 октября 2014 года.

** What it's really like to build a \$3 billion start-up in your 20s [онлайн], BusinessInsider.com, 14 февраля 2017 года.

маркетинговый термин, означающий двойное подтверждение подписки. Он понял, что надо гарантировать людям взаимный интерес, прежде чем дать им возможность общаться. Гениальная находка состоит в устранении страха перед отказом.

В тот момент, когда я встречаюсь с Луи и Жюлией, Шон Рэд только что дал свое первое интервью ежедневной газете Evening Standard*. Его вот-вот подхватит вся мировая пресса. Шон Рэд в нем кажется... непостижимым. Он неуклюжий, трогательный и в то же время — опасный мачо.

Шон Рэд описывает свою зависимость от Tinder. «Каждую неделю я влюбляюсь в новую девушку, — шутит он, в то же время называя себя одиноким. — Я очень сосредоточен, сейчас судьбоносный период для Tinder, и у меня просто нет на это времени». Он утверждает, что спал всего с двадцатью девушками, в отличие от других пользователей приложения. А еще он отверг модель, которая умоляла его вступить с ней в сексуальную связь. «Она была одной из красивейших женщин, что я видел, но это не значит, что я хочу сорвать с нее одежду и переспать с ней. Притяжение — это сложный феномен. Меня привлекали женщины, которые были... Которых мои друзья могли бы назвать уродинами. Честно говоря, мне наплевать, модель или не модель. Правда. Я знаю, звучит как клише или как фраза, которую не услышишь от мужчины, но это правда: мне нужен интеллектуальный вызов». Неужели для Шона и его друзей настолько невероятна мысль, что женщина — больше, чем просто тело, а мужчина — больше,

---

* Tinder? I am an addict, says hook-up app's co-creator and CEO Sean Rad [онлайн], Standard.co.uk, 18 ноября 2015 года.

чем животное? «Кажется, есть слово, описывающее людей, которых привлекает интеллект, — продолжает Шон Рэд в интервью. — Что это за слово? На языке вертится содомия». Его пресс-атташе и автор статьи смеются. «Что? Что я такого сказал?»

Больше всего в этом интервью мне понравилось, как Шон радостно рассказывал журналистке, сколько зрителей пришло на его выступление на последнем Web Summit (грандиозная технологическая конференция, куда съезжаются ведущие игроки со всего мира) в Дублине. «Было больше народу, чем на выступлении Instagram, — в его реакции слышен восторг маленького мальчика. — Зал был полон кричащих фанатов! Как на концерте. Сегодня технологии стали гораздо важнее, чем раньше. Это новый рок». Я сразу вспомнила о его юношеской мечте стать звездой. Кажется, будто он хочет убедить себя, что ему не о чем сожалеть.

Однако дальше в интервью проскальзывает совсем иной тон. Журналистка упоминает статью, появившуюся ранее в Vanity Fair. Американская корреспондентка Нэнси Джо Сэйлс провела первое тщательное исследование влияния Tinder на общество, описав апокалипсис в мире дейтинга. Шон Рэд сразу закрылся, услышав ее имя, и пригрозил раскрыть некую информацию о ней: «Я и сам провел расследование. Есть некоторые факты, которые заставили бы вас взглянуть на эту журналистку по-другому».

«Журналисты были жестоки с Шоном, надо понимать, что он не был готов к такому успеху приложения, — объясняет Луи. — На самом деле он застенчивый человек, оказавшийся на вершине, он честно отвечает на вопросы журналистов и искренне радуется успеху у женщин!» Я соглашаюсь

с ним: «В конце концов, это концепция Tinder — флиртовать, не боясь отказа, его радость понятна». Я нарочно преувеличиваю, ведь хочу оставить о себе хорошее впечатление.

— Многие говорят, что Tinder популяризирует потребительское отношение к другим людям, что вы об этом думаете?

— Это ограниченный и предвзятый взгляд на реальность, — отвечает Луи, — к тому же гипертрофированный социальными сетями. Многие пользователи соцсетей выкладывают самые ужасные диалоги из Tinder и других приложений, и некоторые из них, признаюсь, стоят того. Но никто не говорит о тысячах свадеб, детей или просто отношений, которые начинаются с Tinder.

— Да, Tinder лишь инструмент, которым каждый волен пользоваться как хочет, — добавляет Жюлия. — Если для кого-то он стал инструментом для потребления — это их выбор. Не Tinder пропагандирует индивидуализм, а само общество.

Тем не менее именно Tinder предлагает нам после каждого мэтча «продолжать игру»*, не так ли? Приложение использует яркие цвета и игровые инструменты, которые провоцируют небольшие выбросы серотонина в мозг при каждом мэтче, заставляя нас возвращаться к нему снова и снова, разве нет? Tinder присылает нам уведомления с количеством новых лайков, когда мы перестаем открывать приложение. Он информирует нас о том, что профиль стал реже отображаться, потому что мы редко заходим. Tinder показывает нам кандидатов одного за другим, создавая ощущение, что дальше всегда будет кто-то новый.

---

* До 2016 года приложение предлагало пользователям отправить сообщение или «продолжить играть» (*keep playing*). После формулировка изменилась на «продолжайте свайпать» (*keep swiping*).

Инструмент, который подталкивает пользователя к определенному поведению, а потом делает самого пользователя ответственным за это поведение, называется *dark pattern*, или «темный паттерн»*. Термин придумал в 2010 году Гарри Бригналл, британский UX-дизайнер. «Мы не любим это признавать, но притворство является неотъемлемой частью жизни на нашей планете, — пишет он в своей статье. — Насекомые и животные используют его, чтобы стать незаметными и выжить, а мы, люди, — чтобы манипулировать и контролировать других. Неудивительно, что и в дизайне появились черты манипуляции. Но, что странно, веб-дизайнеры об этом не говорят. Нет даже термина, никакого официального признания, что такой феномен существует. Если это не табу, то что-то очень похожее».

Пока я держу свои соображения при себе. Я никогда не узнаю, что они на самом деле обо всем этом думают. Сейчас они просто выполняют свою работу.

— Как вы думаете, можно ли надеяться на интервью с Шоном Рэдом? — делаю я робкую попытку.

— Конечно. Мы не можем обещать ничего конкретного, но если у нас появятся важные новости, о которых мы захотим рассказать общественности, это будет отличный повод. Может быть, даже есть смысл подумать о поездке в штаб-квартиру Tinder в Лос-Анджелес — тебе было бы это интересно?

— Разумеется!

Ха! Поездка в Лос-Анджелес. «Они предлагают ту же морковку всем журналистам», — шепчет внутренний голос.

---

* Dark Patterns, manipulation versus honnêteté dans le design, A list apart, n° 338, ноябрь 2011 года.

Мы расстаемся где-то через час, пообещав друг другу оставаться на связи по поводу интервью с Шоном Рэдом.

*

Несколько дней спустя я, как обычно, открываю Tinder, валяясь на диване перед телевизором. Я замэтчилась с Миражом. После расставания с Хаски прошло несколько месяцев, и я вроде бы отошла. Я почти о нем забыла. Лишь изредка он всплывает в памяти, когда что-то вдруг напоминает о нем, например когда я прохожу мимо кафе, где мы встретились. Он словно маленький добрый призрак. Что же до Мистера Лонг-Айленда, я не устаю рассказывать историю о нем, чтобышний раз хорошенько посмеяться. Я созрела для того, чтобы выйти из подводного режима. В реальной жизни я тоже открыта новым знакомствам, но именно Мираж будоражит мой интерес. Я зову его Мираж, потому что этот соблазнительный молодой человек испарялся каждый раз, когда я к нему приближалась.

Его первое сообщение меня веселит. «Не спрашиваю, как у тебя дела, ведь сегодня понедельник». Фотографии мне тоже понравились: на одной он позирует с вдохновенным видом в оленьих рогах, на другой он словно маленький мальчик с прической как у игрушек Playmobil стоит перед картиной, как будто сам ее нарисовал, на третьей он делает вид, что кормит огромную скульптуру собаки. Мираж предлагает мне встретиться в следующий четверг. Я соглашаюсь. Беседа переходит к нашим обедам на работе, он дразнится и называет меня «попугайхой», когда я упоминаю «салат из киноа». Меня это забавляет.

В реальной жизни Мираж мне тоже понравился. Я рискнула сразу пойти с ним выпить, без первого «тестового»

свидания на час. Теперь я не так застенчива, как была с Хаски, я стала увереннее в себе. Меня уже не особо беспокоят паузы в разговоре или мнение людей за соседним столиком. После двух бокалов пива и апероля мы выходим из кафе, чтобы прогуляться. Мы болтаем, сидя на стоянке проката велосипедов, курим самокрутки и смеемся в темноте. Я радуюсь каждый раз, когда он скручивает новую сигарету, ведь это значит, что он еще не собирается уходить. «После каршеринга все свидания в Париже связаны с городским транспортом», — думаю я, улыбаясь. Я очень хочу его поцеловать.

Все отлично складывается. Несколько минут спустя он слишком быстро приближается к моим губам. Он почти ударяется о них, и тут у меня теплеет в животе. «Неправда, что у тебя пять звезд, — шепчет он мне на ухо, отвечая на фразу в моем профиле. — У тебя должно быть шесть или семь».

Последний отказ

Я улыбаюсь, сидя за компьютером в офисе Журношлюх* в парижском районе Гут-д' Ор. Журношлюхи – это моя банда. Шесть девушек, шесть внештатниц, мы решили собраться вместе, чтобы помогать друг другу на непростом поприще независимой журналистики. Мысль объединиться пришла нам с Сериз, одиночество очень давило на нас обеих. Мы выбрали название Журношлюхи – обидное прозвище, которое придумали ультраправые, соединив слова «журналист» и «шлюха». Таким образом мы решили лишиться термин смысла, как сделали феминистки, превратив *slut walk* в марш шлюх.

Воскресный день, я одна в офисе. Изучаю статьи о науке и технике на новостных сайтах. Лучик надежды вспыхивает, пока я читаю материал о немецком адвокате Чань-Джо Цзюне**, специализирующемся на исках против соцсетей.

---

* Коллектив независимых журналисток: Жюстин Брабант, Лорен Дейкар, Жюдит Дюпортей, Одри Лебель, Сериз Сюдри-де-Дю и Полин Вердюзье.

** *Incitation à la haine: Facebook visée par une enquête en Allemagne* [онлайн], Rue89, 6 ноября 2016 года.

Он подал жалобу на Facebook в октябре 2015-го за разжигание ненависти. Адвокат сообщил соцсети о более чем шестидесяти призывах к насилию против беженцев, прибывших в Германию.

«Ну конечно! Нужно попросить помощи у немцев!» — думаю я, читая статью об адвокате. Из всех европейских стран Германия наиболее критична по отношению к соцсетям. На заседании Европарламента в 2018 году Марк Цукерберг отметил, что Facebook наименее популярен именно в Германии. Однажды я увидела афишу музея шпионажа где-то в Берлине. Она гласила: «Кто знает о вас больше? Штази, АНБ или Facebook?» Нахожу адрес Чань-Джо Цзюна на его сайте, пишу ему, чтобы поведать свою историю. Понятия не имею, интересуются ли он Tinder, но у него точно должно быть свое мнение по этому вопросу, экспертиза, ниточка, за которую я смогу ухватиться!

Чань-Джо Цзюн отвечает через несколько минут. Конечно же, он может помочь! Отлично! За 200 евро в час. А. Ок. Столько я зарабатываю за статью, на написание которой может уйти неделя. А как насчет интервью для моего расследования? Нет.

За свою недолгую карьеру в журналистике я поняла одну вещь: умение переживать отказы — важнейшая черта в профессии. Журналист должен быть готов к оплеухам, как хирург к виду крови. Задача не из простых. Вместе с Журношлюхами мы решили устроить соревнование. Мы записываем на листочке все полученные отказы, цель — получить сто за год. Идея в том, что чем больше раз тебе дадут от ворот поворот, тем лучше будут результаты проекта. Я ставлю еще одну палочку под своим именем в листке, висящем на стене офиса.

Тем же вечером мы встречаемся с Миражом на террасе кафе недалеко от моего дома, и я рассказываю ему шутку про отказы и про концепцию «ста оплеух за год». Встречаясь, мы всегда пьем апероль. В шутку мы зовем этот коктейль «Итак, прошлым летом». Мираж рассказывает, как у него брали интервью для статьи о Tinder, которая вышла в еженедельнике Les Inrockuptibles. Какое совпадение! Меня тоже опрашивали для этой статьи. Мы выясняем, что в материале «Сайты знакомств. Любовь на кончиках пальцев»* я — Леа, а он — Теофиль. Он протягивает мне телефон, чтобы я почитала его цитаты. «Они ближе к концу, — говорит Мираж и уточняет: — Знаешь, это было так давно».

«Флирт в сети зачастую становится соревновательным спортом. Димитри и Теофиль часто заключают пари следующего толка: „В час дня мы одновременно начинали охмурять девушек (начинали писать им. — Прим. ред.). Это и правда как на рыбалке. Мы забрасывали сети“, — шутит Теофиль. „Мой рекорд — чуть меньше двух часов, — добавляет Димитри. — В 11 вечера я отправил девушке сообщение, и в 1:30 я уже был в ее постели“.

У этого ухоженного брюнета в списке виртуальных побед дюжина девушек. Такие истории никогда не длились дольше

---

* «Site de rencontre, l'amour au bout de doigts», LesInrocsk.com, 22 сентября 2013 года.

нескольких ночей. Теофиль объясняет: „Когда ты познакомишься с девушкой на AdopteUnMec.com, твой аккаунт остается активным. И даже если все идет хорошо, всегда есть соблазн зайти на сайт и посмотреть, нет ли кого получше на полках этого виртуального супермаркета“».

— А, ты и на Adopte сидишь?

Я тяну время, чтобы понять, как реагировать. Сегодня мы хотя бы сидим на тихой улочке, вокруг никого нет, никаких свидетелей.

У меня не выходит из головы его фраза «нет ли кого получше на полках». Но, Жюдит, послушай, неужели ты не видишь, сколько в этом разговоре выпендрежа, понтов и провокации. Два придурка хвастаются богатым уловом. Ты прекрасно знаешь, как мужчины все приукрашивают в разговорах между собой. Да и девушки тоже. В конце концов, ты и сама порой говоришь ужасные вещи! И все-таки... Я бы вряд ли стала говорить о «поиске кого-то получше».

Надо признаться, я никогда не мечтала о большой и чистой любви с Миражом. Получается, я знала, к чему готовиться? Нет? Разве я еще не уяснила для себя, что нельзя влюбиться в девушку из Tinder?

Нет, нет и еще раз нет. Я могу рассказывать себе все байки мира, но к такому я не была готова. Меня задела его слова. Не стоит прятать свои намерения за формулировками вроде «я боюсь обязательств», за желанием «получать от жизни все», «прожить молодость по полной». Нет, нет

и нет, он действительно ищет «кого получше». И все время заглядывается «на полки».

«Я не говорил „на полках“», — Мираж пытается сгладить ситуацию. Я не отвечаю.

«Я всего лишь сказал, что действительно всегда есть соблазн снова открыть приложение». Я молчу.

«Можно стрелкнуть у тебя сигарету?» Я улыбаюсь и скручиваю ему самокрутку. Это длится несколько секунд, но за это время в моей голове проносится вихрь мыслей. Как реагировать? Он все еще хочет снова зайти в приложение? Что ответить? Сказать, что мне обидно, и рискнуть показаться сентиментальной? Сделать вид, что мне наплевать?

Ну же, Жюдит, не принимай это на свой счет. Ты прекрасно знаешь, как это работает, ты даже читала книгу на эту тему. Наташа Доу Шуль, антрополог из Нью-Йоркского университета, первой поняла, как социальные сети и приложения вроде Tinder будоражат мозг и заставляют нас постоянно ими пользоваться. В своей книге «Addiction By Design» («Дизайн зависимости») она описывает, как работает один из мощнейших психологических механизмов — случайное и вариативное вознаграждение. Все держится на том, что вы не знаете, получите ли вы вознаграждение и каким оно будет. Сообщение? Мэтч? С кем? Ладно, поначалу механизм показался мне довольно простым. Тем не менее он превращает нас в узников приложений. «Игровые автоматы, работающие на этом незатейливом механизме, приносят США больше денег, чем индустрии бейсбола, кино и парков развлечений вместе взятые, — пишет автор. — По сравнению с другими видами азартных игр автоматы вызывают зависимость в четыре раза чаще».

Дурацкие автоматы с чередой картинок. Бананы, лимоны, вишенки. Бананы, лимоны и вишенки, приносящие миллионы. Мне очень хочется послать его подальше с его рыбалкой и сраными полками. Хочется послать и сказать, что я не на помойке себя нашла, что со мной нельзя обращаться как с консервной банкой. Я задумываюсь.

Нет.

Я выдыхаю сигаретный дым, смотрю в пол. Вспоминаю, что я 5 из 10. Вспоминаю: «Я никогда не смогу полюбить девушку из Tinder», но для меня это звучит иначе: «Никто и никогда тебя не полюбит».

К тому же в Tinder сменяются не бананы, лимоны и вишенки, а девушки, улыбки, прически, ногти, всегда аккуратно покрашенные, и, конечно же, тела – красивые, нежные, стройные.

Я вспоминаю о своей оценке в Tinder. Скорее всего, она не так высока, как хотелось бы. Вспоминаю: «Поторопись, 28 – это еще ничего, но после 30 начинается война».

Мне уже 29. И лучшие годы уже давным-давно позади, если верить книге «Dataclysm» («Датаклизм»). По сути, это анализ данных, скомпилированный основателем приложения OkCupid. Если вы гетеросексуальная одинокая женщина старше 21 года – эта книга станет для вас самым депрессивным чтивом в жизни. Вывод книги прост: после 21 вы никому не интересны. Если женщины ищут в основном мужчин примерно своего возраста, то мужчины ищут 21-летних девушек. «Это не результат опроса, это утверждение основано на анализе миллионов профилей. Женщины вне зависимости от возраста ищут спутников-ровесников. А больше всего лайков от мужчин собирают профили женщин в возрасте от 20 до 24 лет. Даже если речь идет о 40-летних мужчинах.

Как только девушка получает право пить алкоголь — она уже слишком стара».

Неужели все мужчины, которых я знаю, действительно такие? Я думаю о друзьях детства, о парне в пятом классе, о соседях, о старшем брате, о бывшем Зоэ, который так мне нравился, о моем бывшем. Никогда, никогда я бы не поверила, что они могут быть настолько циничными и думать: «А, ну все, ей уже за 30, считай — смерть». Может, они умело это скрывают? В конце концов, я выросла на сериале «Как я встретил вашу маму», в котором Барни Стинсон не уставал выражать презрение к женщинам старше 29 лет по десять раз за серию.

Возвращаю Миражу телефон с самой милой улыбкой, на которую я способна. Мне страшно.

Ведь у него действительно есть огромное количество вариантов получше, значительно лучше, и я как никогда ясно это понимаю. Я не привлекательный продукт, который ставят на самое видное место в магазине, чтобы привлечь наивных покупателей. Но я и не полуфабрикат. Я что-то среднее. Хороший грюйер. Да, я хороший грюйер. Вкусный сыр, но в обморок от восторга никто не упадет.

Мало того что я раздавлена, я еще и извиняюсь.

«Прости, я не хотела так себя вести, я правда рада тебя видеть».

Вечер продолжается, будто ничего и не было. Что ж, в жизни случаются оплеухи, с которыми я не умею справляться.

«От Tinder мне...»

«Жюдит, это Луи из Navas. Перезвони мне, пожалуйста, у нас, кажется, есть для тебя предложение». Утро пятницы. Я сижу в гостиной в пижаме, когда приходит сообщение. Я работаю на удаленке для одного интернет-сайта, и ехать в офис Журношлюх мне не захотелось. Немедленно перезваниваю Луи. Tinder готовится запустить во Франции партнерство со Spotify, чтобы пользователи могли публиковать любимую песню в своем профиле, объясняет Луи. Приложение ищет способы дать пользователям тему для начала беседы, чтобы мэтчи перерастали во что-то большее. К тому же для Tinder это отличный повод получить ваши данные от Spotify, но об этом никто не распространяется, само собой. Мне предлагают взять интервью у Шона Рэда. «Первое во Франции», — уточняет Луи.

Шон Рэд?! Интервью?! Я в шоке. Звоню шеф-редактору новостей портала Grazia. «Ок, — говорит она. — Но нельзя, чтобы они просто воспользовались нами для рекламы. Соглашайся, только если они в ответ согласятся поделиться информацией об использовании Tinder в нашей стране. Нам нужны цифры, информация, самый сок». Я записываю ее указания в тетрадке с пеликанами.

Весь день провожу на телефоне с Луи и Лизой из Grazia, параллельно пытаюсь закончить работу для другого портала, где веду колонку. Я добралась до душа лишь после шести вечера. Но мне плевать. Я предельно собрана. В голове держу свои задачи: соответствовать требованиям портала Grazia, чтобы сделать качественное интервью, которое предоставило бы читательницам новую информацию. А заодно найти способ задать Шону Рэду хотя бы полвопросика о работе алгоритма Tinder или потребительском аспекте приложения. Не знаю, я должна извлечь из этого разговора хоть какую-то выгоду.

Интервью с главой компании из Кремниевой долины согласуется, словно встреча с политиком. Луи на связи с Tinder, он передает мне их условия, а я в свою очередь озвучиваю требования Grazia. Предложение, контрпредложение, переговоры. «Шон хочет перечитать интервью перед публикацией», — говорит Луи. Когда собеседник хочет перечитать интервью перед публикацией, это значит, что он собирается редактировать ответы постфактум. «Никто никогда не согласовывал интервью, данные порталу Grazia, — решительно отвечает шеф-редактор. — Даже премьер-министр».

Мы договариваемся, что я пришлю вопросы заранее, но смогу менять их в ходе беседы. Это главное. Мы вроде как договорились: я вышлю предварительную информацию, о чем хочу поговорить, чтобы Шон Рэд мог подготовиться к интервью, но я могу утаить некоторые из вопросов. Именно здесь у меня останется крохотное поле для маневра.

Текст для Grazia должен быть готов и проверен шеф-редактором в воскресенье вечером, ранним утром понедельника он пойдет в печать. Мы договариваемся об интервью на выходных. С учетом разницы во времени интервью назначили на девять вечера субботы, сразу после я расшифрую

беседу и отошлю редакторам. Я соглашаюсь, несмотря на то что ко мне приезжают погостить двое друзей из лондонских студенческих времен. А еще я пригласила на вечеринку парижскую компанию и надеюсь, что Мираж к нам тоже присоединится.

Снова звонят Луи и Жюлия.

— Хотим предупредить, Жюдит, если речь пойдет о рейтинге Эло — интервью не будет. Мы не собираемся его обсуждать, пресса вцепилась в эту идею рейтинга востребованности. Это совсем не то, чего мы хотим. Будет очень жаль, если из-за этого наше сотрудничество прекратится. Ты мне нравишься, и я уверен, что мы бы отлично сработались, но таковы наши условия.

— А что же это, если не рейтинг востребованности?

— Мы не будем это обсуждать.

В наших предыдущих беседах мы вскользь затронули статью Fast Company и концепцию рейтинга Эло. Может быть, не стоило с ними об этом говорить? Я соглашаюсь на условия, а значит, не может быть и речи о том, чтобы реализовать мой план сейчас. Что же делать? Совершить подвиг камикадзе и задать в конце беседы вопрос, который может все разрушить? Самые острые вопросы всегда задают в конце: если разозлить собеседника в начале интервью, это настроит его против вас, и тогда все пропало. Не знаю, как поступить. Я устала, я разбита, мне нужно встретить друзей с автобуса из аэропорта. Решу потом.

Мы сидим в кафе на углу моего дома. Лондонские друзья прекрасно ладят с парижскими, мы шутим над предстоящим мне интервью.

— Можешь спросить у Шона Рэда, есть ли у него девушка? — шутит Ханна.

— Или попроси список всех парней, лайкнувших тебя в приложении. Сможешь выбрать, — отвечает Мэтью.

— Или пусть подарит тебе пожизненную подписку на Tinder Select!

Tinder Select представили прессе как VIP-версию основного приложения, объединяющую одинокие сливки общества и доступную только по приглашению. «Для топ-моделей и генеральных директоров»*, — резюмирует американский сайт TechCrunch. Раньше Tinder отказывался публично высказываться даже о самом существовании такой опции. Тем не менее она существует. Американскому журналисту Натану Макэлону удалось получить приглашение в Tinder Select в июне 2017 года**.

«На первый взгляд это все тот же Tinder, — рассказывает автор, — вы свайпаете вправо и влево, как и в оригинальном приложении. Только профили раздела „select“ появляются в голубой рамке и с тегом „select“. Я не встретил там ни одной топ-модели или генерального директора, зато увидел кучу сотрудников Tinder, людей из технологической отрасли, пиарщиков и журналистов, пишущих о новых технологиях».

Разница в другом. «Установив Tinder Select, я начал смотреть профили, свайпать, как обычно, ничего особенного. Но на следующее утро у меня было 20 мэтчей! Со мной такого никогда не случалось. В лучшем случае — одно совпадение за день. Если у вас Tinder Select, то алгоритм работает в вашу пользу. Моя теория заключается в следующем: Tinder Select показал мой профиль тем, кого я уже лайкнул, даже если это

---

* Chief Executive Officer, то есть директор.

** Inside the secret version of Tinder for celebs and other VIPs — here's what the invite-only 'Tinder Select' is like [онлайн], Business-Insider.fr, 14 июня 2017 года.

было давно, несколько недель назад. И этот буст продолжается. Каждый раз, когда я открываю Tinder, у меня гораздо больше мэтчей, чем обычно. Мне даже кажется, что, когда я начинаю смотреть профили, бо́льшая часть из них меня уже лайкнула. То есть мой профиль показывают гораздо большему количеству пользователей».

Журналисту не удалось выяснить, сколько людей используют Tinder Select, так как Tinder отказывается отвечать на подобные вопросы. Пригласить меня в Tinder Select он тоже не может: для этого нужно либо работать в Tinder, либо иметь статус super select, в котором есть опция приглашения людей.

Профиль super select! Что бы ты ни делал, Tinder дает тебе понять, что ты еще не на самой вершине горы. Всегда есть следующий уровень, как в компьютерных играх.

Я ничего не слышала о Tinder Select с 2017 года, когда в США вышло несколько статей в специализированных изданиях. «Я думаю, что Tinder Select не пошел дальше beta-версии, — продолжает Натан. — С тех пор как я установил эту опцию, мне больше не встречались профили Select».

В августе 2017-го Tinder запускает Tinder Gold. Опция позволяет посмотреть, кто вас лайкнул, а также «бустить» профиль на некоторое время. Стоит это 15 евро в месяц. Стоимость уменьшается, если подписаться на полгода или год. Это нововведение позволило Tinder стать самым рентабельным приложением в Apple Store, обойдя Netflix и CandyCrush, согласно классификации App Annie*. В момент релиза компания описывала Tinder Gold как «свайп-консьержа»,

---

* App Annie — исследовательская компания и одна из крупнейших бесплатных платформ для сбора данных. — Прим. ред.

который должен помогать пользователям флиртовать. «Доступен 24 часа в сутки, преподнесет вам на блюдечке все ваши мэтчи».

Я пользовалась Tinder Gold месяц, в том числе опцией Boost. Пользователь имеет право на один буст в месяц. Профиль попадает в список «топовых» на полчаса — и эффект невероятный. Приложение включает онлайн-счетчик, который бешено крутится, подсчитывая количество лайков. Сотни мужчин свайпнули вас вправо, сообщает мне Tinder. Хотя я и разочаровалась в приложении и начальная эйфория прошла, мне все же лестно получить такое сообщение. Дальше ты сам решишь, лайкать ли тех, кто уже свайпнул тебя вправо.

Вся система Tinder — это идеальное преступление. Неужели Tinder создал несправедливый алгоритм, который знакомит страшных со страшными, а красивых с красивыми? Нет ли сексуальной иерархии, основанной на рейтинге Эло? Но теперь Tinder дарит пользователям возможность спастись от собственного алгоритма за деньги и таким образом почувствовать себя лидером рейтинга Эло на полчаса. Как зайти на полчаса в салон первого класса, прежде чем вернуться на свое законное место. Все предусмотрено: и кнут, и пряник, и проблема, и решение.

Мы сидим в кафе с друзьями. Я не свожу глаз с телефона. Когда приходит новое сообщение, появляется маленькая синяя метка, в остальное время она остается зеленой. Я смотрю на зеленую иконку и не оставляю надежды, что она сменит цвет. Мираж сказал, что «будет держать меня в курсе» своих планов на вечер. Если бы такая возможность существовала, стала бы я платить 15 евро в месяц за буст личной жизни, чтобы парни сразу отвечали мне на сообщения? В США существует

сервис Invisible Girlfriend*: женщинам платят за то, чтобы они общались с мужчинами, будто бы они их девушки. Тариф – 5 долларов за 100 сообщений. «Что такое invisible girlfriend? Цифровая версия настоящей девушки, но без грязной посуды», – пишет сервис, утверждающий на своем сайте, что у них уже 70 000 пользователей. Можно создать девушку на свой вкус. Она может быть нежной или дерзкой, можно придумать, как вы познакомились и так далее. Но самое важное, и это основной аргумент продаж сервиса, что invisible girlfriend всегда отвечает на сообщения в течение пяти минут. Всегда.

– Ты же знаешь, что значит «я буду держать тебя в курсе». Он придет, только если не найдет лучшего плана на вечер, – говорит Ханна. – Спроси его, чем он занят, и если он не ответит, то все ясно.

Разумеется, она права. Но я слишком боюсь проявить слабость. Мне это кажется ужасным оскорблением, окончательным признанием собственного одиночества. Нужно делать вид, что тебе все равно, чтобы тебя любили, все это знают, слышишь, Ханна? Я хочу скрыть смятение и необходимость быть любимой.

В 1977 году после выхода «Фрагментов речи влюбленного» Ролан Барт сказал в интервью France 2, что теперь нам кажется непристойной не сексуальность, а сентиментальность.

«Сегодня страстная, романтическая
любовь больше не в моде (...).
Если бы нужно было рассказать
об извращении или о сексуальности,

---

* I was an invisible girlfriend for a month (онлайн), SplinterNews.com, 7 сентября 2015 года.

то объект воспользовался бы языком теории, сложившимся двадцать лет назад, помогающим понимать друг друга и самоутверждаться. Но если он влюбится, как во времена Вертера, в этом случае никто его не поймет. Мне кажется, что сегодня объект, я говорю именно об объекте, чтобы не судить о половой принадлежности, с трудом может побороть подобие табу на сентиментальность, в то время как табу на сексуальность преодолевается очень просто».

Да, так и есть, я чувствую, будто веду себя непристойно, неуместно, неудобно, когда смотрю на телефон и расстраиваюсь, что он горит зеленым, все еще зеленым, всегда зеленым. Почему он мне не пишет? Что я сделала не так? Я болтаю с друзьями, пью пиво, курю, смеюсь, но в голове разыгрывается совсем другой сюжет. Точнее, целых два. Я вспоминаю, как мы в последний раз встречались, прокручиваю в голове все свои реплики. Я перескакиваю с одного сценария на другой. В первом я убеждена, что никогда больше его не увижу. Вспоминаю, что, скорее всего, ему не понравилась моя реакция на статью в Inrocks! Все кончено, ты никогда его больше не увидишь, он, наверное, нашел другую девушку, легче и веселее! Мое сердце сжимается, нет, нет, я меняю сценарий. Ну конечно, он объявится! Наверняка он просто проводит время с друзьями!

Я не выдерживаю и беру телефон. Смотрю в Facebook Messenger, и тут как ножом по сердцу — он был в сети

тридцать три минуты назад. То есть молчание — это осознанное решение.

Уже почти полночь, он не придет, я должна это признать. Он не будет «держатъ меня в курсе».

Сколько нас таких? Сколько людей сейчас, в этот самый момент, всматриваются в две синие галочки в WhatsApp, которые говорят о том, что сообщение было прочитано, но осталось без ответа? Больше не получится прятаться в сомнениях и сглаживать углы предположениями. Может, у него сел телефон? Может быть, он заснул? Может, он в кино? Нет, сомнений не осталось, лишь уверенность, что это осознанное молчание.

Несколько часов спустя я не могу заснуть и проматываю километры бесполезной ленты инстаграма, фейсбука и твиттера. В строке поиска на светящемся в темноте экране я вбиваю: «От Tinder мне...» Я хочу посмотреть, что посоветует мне поисковик. Под строкой всплывают серые подсказки, состоящие из наиболее частых запросов.

«От Tinder мне грустно / одиноко / тревожно / плохо / некомфортно», — предлагает Google. Я на секунду замираю и улыбаюсь. Как минимум не одинока в своих страданиях! Уже что-то, да?

Но самое главное, я нашла вопрос для Шона Рэда. И правда, я ведь буду брать у него интервью! Все не так плохо, Жюдит! Я снова с нетерпением жду этого момента.

Неужели так у всех, или только я проживаю всю эту гамму эмоций за несколько секунд, как когда наводишь курсор на лайк в фейсбуке: клик, и перед тобой появляются разные чувства: лайк, сердечко, злость, смех, слезы. Так у всех? Или только у меня?

45 миллионов раз в день

Из туалета музыку почти не слышно. Стены вибрируют в ритме басов. Сейчас около трех часов ночи, я привела лондонских друзей в клуб на набережной Сены. Зевая, я достаю из сумки розовый маркер.

Я купила его сегодня днем. Подумаю обо всех, кто, как и я, чувствует себя ничтожеством, пока ждет, чтобы на чертовом телефоне всплыло уведомление о новом сообщении, я решила писать на стенах туалетов в барах и клубах слова поддержки. Да, именно поддержки. Туалет – место встреч девушек со школьных времен, и он выполняет ту же функцию в офисах спустя годы. Это то укромное место, куда мы сбегает, чтобы посмеяться, поплакать или прийти в себя. Я хочу поделиться сестринскими чувствами, можно сказать, любовью. «Swipe right on yourself» (свайпни вправо саму себя), – пишу я аккуратно. Это не так просто, грифель маркера цепляется за обшивку сборного здания.

Позже мы вместе с подругой станем публиковать фото этих надписей в инстаграме*. Я пишу больше для себя, хочу вновь обрести уверенность. Но в голове все время всплывает

---

* [instagram.com/toilets_queens_berlin](https://www.instagram.com/toilets_queens_berlin).

чудовищная статистика Dataclysm, которая напоминает, что я с каждым днем теряю в цене.

Мне кажется, будто я как женщина ношу в себе бомбу замедленного действия. Я чувствую, что она скоро взорвется и время, когда я была сексуально привлекательной, подойдет к концу. Но пока оно еще есть, я обязана найти себе парня. И этот парень должен быть потенциальным отцом, ведь, когда я перестану быть соблазнительной, передо мной встанет выбор: стать матерью семейства, старой девой, сумасшедшей кошатницей или отчаявшейся хищницей.

Эта мысль выводит меня из себя, и я сильнее давлю на маркер.

Несколько часов назад я взяла интервью у Шона Рэда по телефону. Днем я репетировала вопросы с Ханной, чтобы говорить на безупречном английском, ведь она австралийка.

Когда настало время интервью, я заперла гостей в спальне, выдала им бутылку вина и тарелку сыров и строго настрого запретила выходить в гостиную. Единственное, что им было позволено, — ходить на цыпочках в туалет. Я очень волнуюсь, но мы с Ханной шутим над ситуацией. «Если бы большой босс Tinder тебя сейчас видел, он бы точно рассмеялся!» — говорит она, ведь я собираюсь брать интервью по телефону, одетая в обтягивающие кожаные штаны и черную блузку, — мы решили пойти на тусовку сразу после беседы. Сердце бешено колотится в груди, когда я беру телефон.

Луи и Жюлия подключают меня к конференц-звонку. Все представляются и называют свои должности. Вице-президент по продукту или директор по маркетингу, я уже не помню, кто там и зачем, но понимаю, что на том конце провода собралось немало народу.

Задаю первый рекламный вопрос Шону Рэду:

— Сегодня Tinder запускает новую опцию в партнерстве со Spotify, которая позволит больше рассказать о музыкальных вкусах в своем профиле. Почему вы считаете это важным?

Он отвечает с улыбкой в голосе и рассказывает мне все аргументы:

— Наши вкусы рассказывают о том, кто мы такие, любимые песни говорят что-то о наших личностях. Таким образом мы надеемся помочь нашим пользователям начать беседу и завязать интересный диалог. Музыка как нельзя лучше подходит для того, чтобы растопить лед. Мы уже произвели революцию в мире знакомств, теперь мы хотим сделать то же самое с построением связей.

Это уже случилось, думаю я безрадостно.

— Когда пользователь зайдет в Tinder, приложение будет предлагать ему в первую очередь профили со схожими музыкальными вкусами?

— Да. Мы пользуемся такими данными, как, например, страницы в фейсбуке, которые пользователь лайкнул, общие друзья, геолокация и музыкальные предпочтения, чтобы предложить преимущественно те профили, которые могут его заинтересовать.

Или можно поставить мне оценку Эло и предлагать профили того же уровня, говорю я про себя.

— Значит, я обречена встречаться исключительно с мужчинами, похожими на меня? — Я усиленно хлопаю ресницами, несмотря на то что мы говорим по телефону, чтобы оправдать небольшую вольность в нашем согласованном сценарии.

— Нет! — Мой вопрос его веселит. — Ни один профиль не скрыт от вас в Tinder, вам может выпасть абсолютно любой человек. Это просто вопрос иерархии. Если люди со схожими музыкальными вкусами вам не нравятся, продолжайте свайпать.

Tinder говорит о 60 миллионах пользователей по всему миру. Если из-за низкой оценки Эло мой профиль находится внизу колоды из 150 000 других, технически он, конечно, не скрыт, но шанс его выпадения ничтожен.

— Отличаются ли французские пользователи от пользователей Tinder в других странах?

— Французы дольше всех переписываются перед встречей. Они беседуют в среднем около недели. Во Франции к любви относятся серьезно, мы это знаем, и именно по этой причине французские пользователи вызывают у нас особый интерес. Tinder крайне популярен в вашей стране. Франция — четвертая страна в мире по количеству скачиваний приложения. Париж — город, в котором за год бывает больше всего пользователей. Летом лидирует Ницца. Ежедневно только во Франции происходит 45 миллионов свайпов.

Сорок пять миллионов свайпов в день. Я с трудом могу себе это представить.

Я продолжаю интервью, и мы доходим до последнего вопроса из согласованного списка.

— Большое спасибо, Жюдит...

— Подождите! Многие расценивают Google Suggest* как «коллективное бессознательное интернета». Когда мы вводим в строке поиска Google «От Tinder мне...», система добавляет «грустно / одиноко / тревожно / плохо / некомфортно». Что вы думаете об этом?

— Расписание встреч Шона очень-очень напряженное, Жюдит, этот вопрос придется отложить до следующего раза, — прерывает Луи разговор, — большое спасибо!

---

* Функционал, запущенный Google в 2004-м, который предлагает добавить ключевые слова, когда мы начинаем писать в поисковой системе запрос. — Прим. ред.

— Нет, все в порядке, — отвечает Шон — Жаль, что вы не в Лос-Анджелесе, Жюдит. Я бы показал вам сотни, тысячи благодарственных писем с новостями о свадьбах и рождении детей, которые я получаю. Никто не говорит об этом счастье, хотя это наша настоящая гордость.

— Но если вы гордитесь этими любовными историями, то...

— Огромное спасибо, Жюдит. Было очень приятно поговорить с вами, мы очень признательны. Нам пора идти. Еще раз благодарим от всего сердца, до свидания! — слышу я женский голос, который заканчивает фразу изящным французским «au revoir».

Конец связи.

Я не узнала практически ничего нового для расследования. Профили не прячут согласно оценке, а приоритезируют. Но с таким количеством пользователей это, по сути, одно и то же. У меня нет времени на долгий самоанализ, нужно как можно быстрее закончить расшифровку интервью и освободить гостей, которые томятся за дверью.

*

Мне ответил Поль-Оливье Дехэй! Отлично!

— Очень круто! Очень круто! Очень кру-у-у-у-уто!

Я напеваю одна на кухне. Гости уехали ни свет ни заря на «Евростаре», чтобы успеть на работу. «Кру-у-у-у-у-уто!»

Поль-Оливье Дехэй — швейцарский* математик, выпускник престижнейшего американского Стэнфордского университета, расположенного в самом сердце Кремниевой

---

* Поль-Оливье Дехэй родился в Бельгии, переехал в Швейцарию в 2008 году. — Прим. ред.

долины. В декабре 2016-го он помог Муниру Мажуби, который был в тот момент президентом Национального совета по цифровой экономике, получить персональные данные от Uber. Они выяснили, что программа продолжает следить за геолокацией пассажира даже после окончания поездки с водителем сервиса. Поль-Оливье также был ключевым источником в расследовании Guardian о скандале с политическим микротаргетингом, к которому прибегала команда Трампа. Они использовали данные, полученные от Cambridge Analytica. Европарламент назначил слушание с участием Дехэя.

Мы договариваемся о встрече.

— Рад помочь. Видно, вас по-настоящему возмутил концепт рейтинга Эло, — улыбается Поль-Оливье, усаживаясь напротив меня в кафе. У него швейцарский акцент и добрый взгляд.

— Разумеется! А вас он не возмущает?

Я не устаю удивляться, что на протяжении всего расследования мне постоянно приходится объяснять, почему я нахожу эту концепцию странной.

— Нет-нет, конечно, я тоже возмущен! Но разве дело только в рейтинге Эло? Вас оценивают по сто раз на дню, хотя вы даже не отдаете себе в этом отчета. Да, ваши персональные данные позволяют Tinder поставить вам оценку. Но, кроме этого, ваши данные определяют, какие вакансии покажет вам LinkedIn, сколько вы заплатите за страховку машины, одобряют ли вам кредит и какую рекламу вы завтра увидите в метро. Мы на пути ко все более абстрактной и непрозрачной модели общества, в которой собранные на вас без вашего ведома данные, возможно, даже на несколько лет

устаревшие, будут иметь огромное влияние на вашу жизнь. В итоге все ваше существование будет поставлено с ног на голову, predetermined исключительно на основании собранных о вас данных.

Увлекательная беседа с Полем-Оливье длится несколько часов. По дороге домой я смотрю на мир вокруг совсем другим взглядом. Моя интернет-реальность постоянно перестраивается, как если бы улица, по которой я шла, менялась у меня на глазах. В этом мире реклама подобрана с учетом моего пола, возраста, роста, веса и, что самое важное, моего сиюминутного эмоционального состояния, слабостей, тревог и секретов. Передовица газеты адаптирована под мои взгляды — чтобы им вторить либо чтобы взбесить меня. Негодование интернет-пользователей провоцирует реакции и вовлеченность, что на руку брендам и социальным сетям.

А если бы я зашла в бар в этом воображаемом мире, мужчины там были бы подобраны согласно моему уровню красоты.

Этот мир уже существует. Интернет — это реальная жизнь. Если мое виртуальное пространство ограничено, ограничена и моя свобода. Все эти решения в тайне произвольно принимаются частными игроками на основе моих данных, и я не могу даже спросить, как именно они действуют. Алгоритмы таких компаний, как Tinder, являются интеллектуальной собственностью, а ее защищает закон. Почему? Рецепт кока-колы хранится в секрете, но мы знаем, что некий санитарный орган постановил, что она пригодна для употребления. Почему никто не проверяет, уважает ли алгоритм Tinder наше достоинство? Кэти О'Нил, американский

математик и автор вышедшей в 2016 году книги «Weapons of Math Destruction»*, борется за установление «алгоритмической ответственности». Она создала аудиторскую компанию, которая сертифицирует алгоритмы. Но это всего лишь одна из немногих организаций подобного толка.

Конечно, было бы наивно полагать, что офлайн-жизнь не предопределена, все наше существование ограничено, расчерчено и построено в зависимости от нашего происхождения, цвета кожи, социального статуса и так далее. Но суть журналистики как раз в том, чтобы выявлять этот детерминизм и ослаблять веревки, душащие нашу свободу.

Мое расследование о рейтинге Эло вписывается в глобальное политическое движение — надзорный капитализм. Преподаватель Гарварда Шошана Зубофф впервые ввела это понятие в 2015 году**. По мнению ученой, вся экономика крупных платформ основывается на использовании наших персональных данных. Каждый раз, когда мы выходим в Сеть, мы становимся, не зная об этом и не давая на это согласия, предметами десятков опытов, направленных на то, чтобы узнать, как продать нам какой-либо продукт наиболее эффективно. Любое действие просматривается, отслеживается, записывается, чтобы потом предложить нам ровно тот продукт, который соответствует нашим сиюминутным нуждам или выглядит как чудесное решение в настоящем эмоциональном состоянии.

---

* Crown, 2016. В русском издании: Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ, 2018. — Прим. ред.

** Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization, март 2015, The Journal of Information Technology; The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Shoshana Zuboff, январь 2019 года.

Сначала Tinder анализирует данные пользователей и предлагает им подписку на Tinder Gold. Либо предлагает переключиться на другой продукт планеты Match, например на OkCupid или PlentyOfFish. Если в Tinder вам не везет и вдруг повсюду начинает появляться реклама OkCupid с лозунгом «У нас люди — не просто селфи» — не удивляйтесь.

Ну и наконец, Tinder «делится с рекламными партнерами» нашими персональными данными, как гласит их Политика конфиденциальности*:

«Мы также можем делиться информацией с другими компаниями Match Group и с третьими лицами (в том числе с рекламными партнерами) с целью выработки и предоставления таргетированной рекламы на наших сервисах и веб-сайтах, а также в сторонних приложениях. Кроме того, данные используются для осуществления анализа вашей реакции на показываемую рекламу».

То есть Tinder зарабатывает, предоставляя доступ к нашим персональным данным компаниям, которые затем используют их, чтобы транслировать нам таргетированную рекламу. Вполне вероятно, что Tinder также дает доступ к спискам пользователей, классифицированным по их уровню привлекательности. Например, к отчаявшимся девушкам и приунывшим молодым людям, которым никто никогда не отвечает. Или к зависимым, которые проводят в приложении больше трех часов в день. На сайте usdate.org любой может купить список профилей с дейтинг-сервисов, причем с фотографиями. Профили классифицированы по этнической принадлежности, уровню образования, вероисповеданию или типу фигуры. Согласно исследованию

---

* Отрывок из пользовательского соглашения Tinder: help.Tinder.com.

НКО по защите цифровых прав Tactical Tech*, среди прочих на этом сайте есть и профили из Tinder.

Поль-Оливье написал для меня образец письма, которое можно направить в юридическую службу Tinder, чтобы попытаться добыть мою оценку Эло и личные данные. Не факт, что это сработает, но как минимум в тексте есть необходимые отсылки к текстам законов. Вернувшись домой, я отправила это письмо на общий адрес службы персональных данных Tinder.

Дорогой Tinder,
Согласно статье 12 европейской директивы 95/46/ЕС и статье 39 закона № 78-17 от 6 января 1978 года, измененному в августе 2004 года, о средствах обработки информации, файлов и о свободах, а также Акту о защите Данных Великобритании, я прошу выслать мне копию всех моих персональных данных, в том числе и мою оценку по так называемому рейтингу Эло. Французские законы вступают в силу, поскольку, с одной стороны, полученные данные были собраны на территории Франции (см. статью 5 закона № 78-17), с другой стороны, юридический адрес группы Meetic, принадлежащей Match Group, как и Tinder, находится в Париже. Закон

---

* Datadating.tacticaltech.org

Великобритании также имеет силу, поскольку главный офис Match Group, управляющей компании Tinder, в Европе расположен на территории Объединенного Королевства. В обоих случаях применим прецедент европейского судопроизводства «Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González». Я хотела бы привлечь особенное внимание к статьям «общих положений о нарушении настоящего закона» Акта о защите Данных Великобритании от 1998 года, а также статьи из главы VIII «Уголовно-правовые положения» французского закона № 78-17 «об информации и свободах», в которых говорится об ответственности не только юридических лиц, но и их сотрудников. Искренне ваша.

ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ VS количество

История с Миражом закончилась через четыре месяца после нашего знакомства. Мы собирались встретиться вечером, и я спросила его, кто мы друг другу, как он видит развитие наших отношений, и из его ответа поняла, что мы хотим совершенно разных вещей. Очередной разрыв, который и разрывом-то сложно назвать. После этого мы еще несколько раз встречались, но все закончилось, так толком и не начавшись.

Через несколько недель я встречаю его на вечеринке, где он представляет меня как бывшую. И тут я понимаю, что он считал, будто мы вместе. У меня не было такого ощущения, и меня это очень расстраивает. Я уезжаю на «рабочие каникулы» в Берлин на три недели, чтобы проветрить голову.

Приехав, я принимаю решение не возвращаться в Париж. Разве только на пару недель, чтобы собрать вещи.

Жизнь фрилансера в Париже — не сахар. Я плачу 800 евро за маленькую комнатку в квартире с соседями, и аренда съедает большую часть моего бюджета. В Берлине можно найти жилье в два раза дешевле. Именно этим аргументом я оправдываю свое решение. Реальность гораздо прозаичнее.

Я не знаю ни слова на немецком, я приехала в Берлин в январе, когда солнце заходит в четыре часа дня. Я никого здесь не знаю. Сперва именно это меня и привлекло. Я ничего не понимаю. Ничегошеньки. Ни пассажиров в метро, ни парней на улице, ни рекламы на стенах. Мое внимание невозможно отвлечь без моего ведома. Окружающие меня люди и их взгляды кажутся не так важны просто потому, что я их не понимаю. Я сосредотачиваюсь на себе и прячусь в ночи. Я очень много гуляю, в ушах все время наушники, я смотрю на снег и постоянно теряюсь.

Днем я хожу в одно и то же кафе Gemütlich, чтобы писать статьи. Gemütlich — немецкое слово, означающее мягкий и обволакивающий уют, искусство жить, практикуемое в странах с суровым климатом. Я всегда занимаю одно и то же место, мягкое бархатное красное кресло у камина, и кладу на колени ноутбук. От работы в неудобном положении у меня наверняка будет искривление позвоночника.

Но самое важное — я каждый раз встречаю тут своего друга. Я узнаю его по красной бандане на шее. Мы притерлись друг к другу. Когда я открываю дверь и приближаюсь к нему, сразу видно, что он мне рад. Его зовут Гектор. Поначалу я стеснялась, но со временем осмелела и полюбила гладить его теплый живот и чесать за ушком.

Обожаю собак. Они напоминают мне Лулу, маленькую черно-белую собачку, с которой я выросла, с которой гуляла часами, уже тогда в моих ушах постоянно были наушники. Берлин — город собак. Здесь в порядке вещей все делать вместе с питомцем, даже ходить на работу или в магазин. Кстати, именно об этом была моя первая написанная в Берлине статья, которую опубликовали в Management: «На работу с собакой: идея, которую стоит позаимствовать у немцев?»

В туалете того же кафе я читаю кучу феминистических граффити, похожих на те, что я сама могла бы написать. «Your pussy is beautiful» (твоя киска прекрасна) — нацарапано на стене простым карандашом.

Друзья еще долго будут слушать мои заявления о том, что Берлин — город потерянных, безнадежных тридцатилетних, которым, как и мне, не чуждо творчество и поиск смысла жизни. Мы всегда ищем оправдания, чтобы замаскировать свои внезапные порывы. Вот как я описываю свое знакомство с городом: кафе с камином, собака и вызывающие надписи в туалете. Но я забываю о главном. В глубине души я уверена, что в Париже мне уже не встретить любовь.

Я нашла комнату под крышей в районе Нойкёльн за 500 евро. Переезд дается мне нелегко. Первые месяцы довольно хаотичны. Я слишком часто хожу в техноклубы и возвращаюсь домой под утро в разбитом состоянии. «Неужели в жизни не бывает иначе? Это всё?» — спрашиваю себя. В будни я фокусируюсь на работе.

*

У меня встреча с Торстеном Питцем, немецким социологом из Бременского университета. Он специалист по концепции «общества оценки» и дейтинг-приложениям. Мне кажется, мы найдем общий язык.

Ресторан, где мы встречаемся, находится в паре минут ходьбы от моего дома. Иду по улице под дождем, под низким серым небом. Каждое утро я трачу пять минут на выпрямление шевелюры с помощью плойки Babyliss. Степень моей уверенности в себе зависит от того, насколько прямые у меня волосы. Само собой разумеется, я не большой любитель дождя. Ресторан расположен в просторном холле, заказ

надо делать на входе в некое подобии окошка, выбирая один из вариантов. На прилавке стоят два блюда-образца. Я не понимаю, настоящая это еда или муляжи, не решаюсь потрогать. Сажусь напротив социолога.

Он особенно интересуется мотивацией свайпа: что заставляет нас смахнуть влево или вправо чей-то профиль? Меня восторгает сам факт существования «свайп-социолога». «За несколько секунд разыгрывается очень сложная партия, полная социологических смыслов. Исследования показывают, что пользователи заранее представляют себе возможное поведение потенциальных партнеров из приложения. Такие прогнозы определяют их самопрезентацию. Когда перед пользователем появляется новый профиль, он сразу задумывается, понравится ли он предполагаемому партнеру, и какое мнение этот человек составит о нем», — объясняет ученый.

Разве предвкушение одобрения не тождественно привлекательности? Эта идея задевает меня. Практически возмущает. Я представляю, как мы все неистово свайпаем профили в почти консьюмеристском безумии, провозглашая свое стремление к самому обычному сексуальному удовлетворению. Мы ищем одобрительного взгляда. Именно так нас привлекает Tinder. Он играет на нашей животной жажде похвалы. Я стала писать на стенах «swipe right on yourself», но точно знаю, что собственного самолюбия мне никогда не будет достаточно. Мне всегда будет нужен сторонний взгляд, который доказал бы, что я существую. Приложение использует техники азартных игр, хитрости казино, чтобы мы не теряли к нему интерес. Доза дофамина в нужный момент — Tinder жмет на одну и ту же кнопку во всех нас. Я раскрываю Торстену секрет: я не просто пишу про

алгоритм работы Tinder, я хочу узнать свою оценку привлекательности, и что сама ее концепция выводит меня из себя.

Не похоже, чтобы он разделял мое негодование. Насколько я была уверена в том, что ботаники из Кремниевой долины пошлют меня куда подальше, настолько я верила, что представители гуманитарных наук примут мою сторону. Я удивлена, что мне приходится объяснять ему причину моего бешенства. Как кто-то может оценивать меня, упорядочивая ряд статистических данных о возрасте, уровне дохода, росте и весе? Почему кто-то смеет превращать меня в ряд чисел? Может быть, мое стремление узнать свой рейтинг Эло – это экзистенциальный поиск чего-то, что наши предки называли душой? Чего-то, что не подвластно алгоритмам? Возможно, мне стоит поговорить о своем расследовании со священником или с буддистским монахом? Я путаюсь в собственном внутреннем монологе, поедая макаронны, которые плавают в соусе, похожем на вермишелевый суп.

«Некоторые ученые, например Ева Иллуз, считают, что дейтинг-приложения ведут к коммерциализации знакомств и интимной сферы, – отвечает Торстен. – Но я не согласен, здесь нет никакого финансового обмена. Я думаю, речь идет о праве выбора».

Я возвращаюсь домой и ищу информацию о Еве Иллуз. Я не социолог, но мне тоже кажется, что Tinder способствует коммерциализации знакомств. Покупаю ее книгу «Why Love Hurts: A Sociological Explanation» («Почему любовь ранит: социологическое объяснение»).

В своей книге Иллуз объясняет, что сердца разбиваются не только по нашей вине. Капиталистическое общество делает из любви рынок, на котором есть победители и проигравшие. До Карла Маркса общество считало, что

бедность — следствие низкой морали, а не несправедливой организации социума. То есть мои бесконечные провалы в личной жизни происходят не только по моей вине? По словам социолога, сайты и приложения для знакомств создали рынок интимных транзакций. Пользователи соревнуются друг с другом, чтобы добиться свидания, и таким образом сами превращаются в товар. Гетеросексуальные женщины в поисках отношений становятся игроками с самыми слабыми позициями на этом рынке, поясняет автор.

В интервью Guardian* Иллуз говорит: «Чтобы почувствовать признание и одобрение, мужчины хвастаются либо количеством партнерш, либо своими достижениями в сексе. Женщины же хотят быть любимыми. То есть девушки находятся в более зависимой от мужчин позиции, им нужна эксклюзивность там, где мужчинам нужно количество».

Очень надеюсь, что она не права. Описанное ей положение вещей повергает меня в отчаяние. Но еще меньше мне хочется верить в то, что я занимаю самую слабую позицию на рынке, нахожусь в самом низу лестницы. Нет и нет! Я отказываюсь в это верить! Неужели мужчины гонятся лишь за количеством?! Неужели женщины никогда не хотят того же? На самом деле это чудо, что люди все еще продолжают друг друга любить. Чудо, что иногда они находят взаимопонимание. Что кому-то удастся проторить дорожку под бомбардировками из противоречивых указаний и призывов к взаимному обману. Удастся выудить хоть крупицу выгоды из этой чертовой бильярдной партии между тремя игроками: нашими убеждениями, убеждениями других людей и тем, в чем

---

* Love hurts more than ever before (blame the Internet and capitalism) [онлайн], TheGuardian.com, 12 февраля 2012 года.

нам бы хотелось их убедить. Чудо, что, вопреки всему, сквозь эту бурю иногда проходит сигнал и пробивается искренность.

*

После встречи с берлинскими друзьями-фрилансерами мне становится грустно. Я еще недостаточно хорошо их знаю, чтобы делиться душевными переживаниями. Мне одиноко. Вернувшись домой, чищу зубы перед зеркалом и смотрю на телефон. Соскальзываю по стенке и сажусь на пол ванной.

Просматриваю приложения, останавливаюсь снова на розово-белой иконке с изображением пламени. «Они все тут, — шепчет она, — они все здесь, только тебя и ждут, незаменимых нет, Жюдит. Ни Мираж, ни Хаски. Здесь их десятки, сотни, и они ждут только тебя». Переехав в Берлин, я стала заходить в Tinder почти каждый день. Я переписывалась с несколькими мужчинами, но так и не сходила ни на одно свидание.

Открываю приложение и лайкаю все профили подряд, один за другим. Я единственная дура, умудрившаяся влюбиться в Tinder. Я на нижней ступеньке любовной лестницы, я планктон. Если это все действительно так работает, то я им всем покажу, ведь я последняя идиотка своего поколения, которая верит в любовь. Они увидят, на что я способна, я трахну весь Париж и Берлин в одиночку, вымотаю их, играя по их же правилам! Не стоило меня провоцировать! Я пишу одну и ту же фразу всем 45 мэтчам. «45 за пять минут, может, ты не такая и страшная», — бурчу я под нос и еще больше начинаю себя презирать за то, что это меня успокаивает.

Начинают приходиться первые ответы. «Как делишки?» — спрашивает один. «Привет, — пишет другой. — Можно говорить с тобой на английском? Мой французский очень плох!»

На одной из фотографий в профиле я готовлю, спустя пару минут двое пишут слово в слово одну и ту же фразу: «Чего вкусенького ты мне приготовишь?» Меня это выбешивает. Конечно, конечно, это всего лишь попытка растопить лед, начать диалог, выделиться из толпы. Но меня это наталкивает на мысли о собственной незначительности: сколько раз я чувствовала себя особенной, а какая-то другая девушка слово в слово повторяла мою шутку? Сколько раз я заблуждалась в собственной уникальности? Сколько раз я сама получала шаблонные сообщения от других?

«Ну все, хватит быть единственной романтичной девочкой в Tinder», — говорю я себе вслух. Выбираю случайного парня и выливаю на него все, что накопилось, яростно стучу по экрану телефона, пальцы напряжены, от того, как нахмурены брови, почти болит голова.

«Я только что рассталась с парнем», — уточняю я, чтобы как-то сгладить непристойное предложение, которое я собираюсь написать. Я уже разобралась в современном этикете и понимаю, что нам, женщинам, нельзя просто так захотеть потрахаться — нужно придумать отмазку. «Я ищу новый опыт, хочу осуществить свои фантазии... А ты что здесь ищешь?»

— Ха-ха-ха, а ты не ходишь вокруг да около... Мне это нравится! — отвечает первый.

— Обожаю авантюристок. Что за фантазии? — спрашивает второй.

— Я тоже не ищу ничего серьезного, — пишет третий.

— Ищу перепихон на выходные, ты в деле? — следующий переходит сразу к делу.

Это так просто! Я испытываю что-то среднее между восхищением и отвращением. «Хоть лопатой их греби, мужики

готовы на все ради секса», — осознаю я, продолжая распалить собеседников. Ева Иллуз права: мужчины готовы переспать с первой попавшейся женщиной.

«Скажи, что бы ты со мной сделал», — пишу я одному, второму, третьему. «Ты завела меня за пять минут, браво!»; «Я хочу приехать к тебе, и ты познаешь меня всего: мое лицо, тело, голос и член, который сразу возьмешь в рот»; «Я сделаю все, что попросишь, лишь бы ты кончила, хочу, чтоб ты кончала всю ночь».

Я помню все ответы, но не знаю, кто что именно написал, даже не задумывалась об этом. Профили соединились в безликую массу, в некий собирательный образ несуществующего мужчины. Переписки шли неспешно. Иногда мне приходилось подолгу ждать, уставившись в экран; я хорошо помню то эмоциональное состояние, в котором пребывала: я была взволнована, возбуждена ничтожной мимолетной властью, которой обладала, своей темной стороной, своим эго. Я отказывалась от деталей, от двусмысленности, от искренности.

Спрашиваю: «У тебя встал на меня?» Представляю все эти эрегированные члены, образ одновременно вызывает удовлетворение и вводит в отчаяние. И тут я перестаю отвечать. О, именно в этот момент я ловлю наивысший кайф. Обожаю, обожаю наблюдать, как они пытаются снова вовлечь меня в беседу. Один пишет: «Ты, наверное, заснула, шалунья, напиши мне!» Другой в нетерпении: «Ты куда пропала? За тобой не уследишь». Третий заставляет меня улыбнуться: «Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой!»

Сколько прошло времени? Может быть, час? Я встаю, беру электрическую зубную щетку, включаю ее, засовываю под юбку и прикладываю тыльной стороной к клитору.

Сосредотачиваюсь, затаив дыхание. Чувствую отвращение, возбуждение, удовлетворение, понимая, что оставила всех этих парней. Меня радует мысль, что не я одна теперь жду сообщения, которое никогда не придет. Я двигаю по кругу зубную щетку и чувствую, как кожа теплеет, представляю, как все эти парни берут телефон, смотрят, не пришел ли ответ, и кладут его обратно. Я представляю эту сцену снова и снова, в полной мере проецируя собственные страхи, ожидания, печали; как же приятно осознавать, что все они ждут, ждут как идиоты. Теперь ты не единственная, кто мечтает о чем-то, что никогда не случится.

Вздох удовольствия наполнен печалью и грустью, в которые обернуто одиночество. Мое эго, искусственно раздутое вниманием этих парней, никак не помогает, и оргазм, полный трагизма, заставляет меня чувствовать себя хуже некуда.

Я_хочу_чтобы_кто- нибудь_мне_написал

Мне написала Лори Брэддок из юридической службы Match Group (именно этой компании принадлежит Tinder):

Прилагаю ответное письмо на ваш запрос,
а также ваши персональные данные.

Пароль для просмотра документа будет
прислан в следующем письме.

Сердце бешено колотится. Не решаюсь открыть вложение. В ту же секунду пересылаю письмо Полю-Оливье Дехэю. «Отлично, Жюдит!» — отвечает он. Встаю, выхожу из комнаты, машинально иду на кухню. Моя соседка Джулия* оставила после себя грязную посуду. Мою тарелки, ставлю чайник, завариваю кофе, возвращаюсь в комнату, делаю глубокий вдох. Открываю первое письмо от Tinder:

Уважаемая госпожа Дюпортей.

---

* Имя изменено.

Отвечаем на ваше письмо от 2 мая 2017 года и запрос, адресованный нам. Мы проверили вашу личность и высылаем все персональные данные, связанные с вашим аккаунтом в Tinder. Хотим отметить, что информация, касающаяся третьих лиц, была цензурирована. Что касается вашей просьбы о так называемой оценке Эло, сообщаем, что мы не можем разглашать никакие сведения относительно функционирования нашей системы знакомств.

Ну, я и не сомневалась, что оценку мне просто так не дадут. Что может быть настолько секретного в этой «системе знакомств», чтобы Tinder так ее охранял? Взволнованно открываю второй файл, ввожу пароль. Страница грузится несколько минут. Что же там? Что такого знает обо мне Tinder, чего не знаю я? Я нахожусь в странном эмоциональном состоянии, словно я прошла очень сложный психологический тест и теперь жду результатов. Балансирую между страхом и волнением. Использую свою любимую тактику и притворяюсь, что не слежу за лихорадочным кручением курсора.

PDF наконец загрузился. Он называется «Жюдит Дюпортей — зашифрованные архивы». Название больше напоминает документ Штази, чем приложения для знакомств. Останавливаюсь на первой же странице. 1/802 показывает документ. 802 страницы? 802 страницы архива Жюдит Дюпортей? Сбор персональных данных — теперь точно не выдумка и не абстракция. Это сотни и сотни страниц информации, которая хранится на серверах Tinder. Бросаю

взгляд на телефон, и у меня начинает кружиться голова. В нем же несколько десятков приложений: календарь месячных, банк, медитация, игры... Неужели у каждого из них по 800 страниц на меня? А у Facebook наверняка тысячи! Телефон кажется мне не чем иным, как гигантским жучком. Если бы все собранные на меня данные облекли в осязаемую форму, я бы даже не смогла их поднять!

Документ написан на смеси компьютерного и человеческого языков. Может, мы все скоро будем разговаривать на этом новоязе? Если так, то придется найти способ его описать.

```
active_time: 2017-05-17T16:49:58.712Z
```

Точное время моего последнего подключения записано сервером. 17 мая 2017 года в 16 часов 49 минут, 58 секунд и 712 миллисекунд.

```
age_filter_max: 39  
age_filter_min: 29
```

Возрастные ограничения, которые я применяю в поиске

```
birth_date: 1986-03-02T00:00:00.000Z
```

Дата моего рождения. Tinder не знает, во сколько я родилась, и указывает нули. Однако для характеристики моего образования находятся настоящие человеческие слова:

```
education: Has high school and/or  
college education
```


Почему так? Кто заполнял эту форму, живой человек или программа? Может, оба? Читал ли кто-то этот документ целиком? Вздрагиваю, представляя как сотрудники Tinder собирают мои данные и смеются. Надо признать, что я сама преподнесла им всю информацию на блюдечке. Я — открытая книга. И ведь они уточняют, что все эти данные могут утечь в любой момент. Об этом черным по белому написано в «Политике конфиденциальности»: «Мы не гарантируем, и вы не должны ожидать, что ваши персональные данные всегда будут в безопасности».

Первая страница описывает, кто я для них. Адрес электронной почты, аккаунт в фейсбуке. Дата создания профиля — 12 декабря 2013 года. Где я училась.

```
schools
name: Sciences Po
type: graduate school
name: La Sorbonne
type: College
```

Где я работала и работаю:

```
jobs
company
name: Журношлюхи
title: сооснователь
company
Le Figaro
```

Затем десяток страниц ссылок, ведущих на фотографии в инстаграме, ведь я связала два аккаунта.

В рубрике «interests» — все страницы, которые я лайкнула в фейсбуке. Так и написано: «interests» без заглавной I, без двоеточия, во вселенной данных нет орфографических правил. На самом деле я не права, конечно же, правила есть. Нижние подчеркивания между словами расставлены не просто так. Документ написан языком, которого я не знаю. Я безграмотный читатель, не понимающий языка новой власти. Но я понимаю, насколько просто воспользоваться мной и моими персональными данными. Даже если бы у меня был доступ к серверам Tinder, я бы ничего не поняла. Даю себе обещание научиться программировать, когда закончу расследование. Чувствую себя жительницей Месопотамии, отказавшейся учиться читать, когда была придумана письменность. Или лошадю в эпоху изобретения автомобиля.

Казалось бы, абсолютно бессмысленно перечислять все мои лайки в фейсбуке. Но по этим данным очень просто понять кто я, откуда я родом и как я буду вести себя в будущем.

Михал Косински, профессор Стэнфордского университета, автор книг по психологическому таргетингу, первым описал эти вопросы. В 2015 году он опубликовал статью, объясняющую, почему искусственный интеллект гораздо лучше, чем человек, делает выводы о личности пользователя по его цифровому следу*.

Согласно исследованиям, по 68 лайкам интернет-пользователя можно определить его цвет кожи (с точностью до 95%), сексуальную ориентацию (88%), политические взгляды (85%) и даже узнать, находятся ли его родители в разводе.

---

* Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans, PNAS, январь 2015 года.

«Тот факт, что компьютер существенно превосходит человека в личностных суждениях и определении человеческих качеств, представляет как новые трудности, так и возможности в области психологии, маркетинга и личной жизни», — пишет автор статьи.

Университет Кембриджа также разработал систему искусственного интеллекта, анализирующую психологический портрет по лайкам в фейсбуке. Систему назвали Apply Magic Sauce. На сайте можно протестировать бесплатную версию, которая позволяет узнать, что на самом деле говорит о нас лайк странички Haribo или Nescafé. Я решила протестировать себя. Оказывается, на грядущих выборах я «скорее всего проголосую за левых», потому что лайкнула странички New York Times, Urban Outfitters и Арианны Хаффингтон: по статистике пользователи, поставившие лайк этой комбинации страниц, голосуют за левых. Команда Cambridge Analytica использовала эту систему, чтобы таргетировать потенциальных сторонников Трампа в фейсбуке.

Дальше в этом документе был список из 870 мэтчей. Точнее, список из 870 мужчин, которые написали мне или которым написала я. 870 человек. Если бы меня попросили назвать приблизительное количество людей, с которыми я общалась в приложении, я бы предположила, что их было всего человек пятьдесят. Как так вышло, что остальные не отложились у меня в памяти? Чаты расположены друг за другом, пронумерованы, без отсылки к псевдониму или фото пользователя. Все выглядит не так весело, как в приложении.

Я читаю первую беседу — под номером 870. После первых же слов я начинаю чувствовать смесь унижения и гнева, которые обычно вызывают сообщения абьюзеров. Им наплевать

на то, что ты думаешь, они даже не пытаются тебя соблазнить. Они считают, что все девушки должны сразу же отвечать на их отвратительные сообщения, написанные к тому же с кучей ошибок. Они относятся к тебе как к рабыне, злятся, если ты недостаточно «дружелюбна» и не готова немедленно приехать к ним, когда они звонят тебе и настаивают, чтобы ты дала им «кончить в тебя». Этот напор не ослабевает, пока им не надоест тебя оскорблять. Согласно отчету ООН*, опубликованному в 2015 году, 73% женщин уже пережили оскорбления или домогательства в сети. Приведу начало нашей беседы в том виде, в котором прислал ее Tinder, чтобы вы поняли, как это выглядит. Продолжение я расскажу «человеческим» языком.

To you

Куку

Sent on: Sun, 07 May 2017 20:22:21 GMT

To you

Классный инста!

Sent on: Sun, 07 May 2017 20:22:25 GMT

To you

Жудит, ты в сети?

Sent on: Sun, 08 May 2017 15:11:57 GMT

To you

Не спишь?

Sent on: Sun, 08 May 2017 21:01:23 GMT

---

* Urgent action needed to combat online violence against women and girls, says new UN report [онлайн], UnWomen.org, 24 сентября 2015 года.

Через четыре дня он снова пишет:

Милая, мне нравится твой инста!
Подпишись в ответ
Ja ja ntz ntz ntz
Давай трахаться
Малышка, я люблю кончать
Люблю лизать киски
Хочу кончить прямо сейчас
В будущем я хочу отношений
М-м-м, малышка, я хочу глубоко войти
в тебя сзади
Почему ты не зовешь меня в гости?
Я раздвину губы твоей мокрой киски
и засуну в нее поглубже свой язык

Пробегаю глазами следующие страницы.

▣ 847: У тебя сто пудов большие сиськи,
ответь мне!

▣ 848: По твоим фоткам видно, что
у тебя классное тело, какого ты роста?
Часто занимаешься спортом?

▣ 778: Тебе часто шлют фото членов?

Ну, мисс хвастунья, что делаешь
вечером?

Ты мне надоела

Может, именно поэтому я забыла подавляющее большинство бесед в Тиндере, чтобы не расстраиваться? Или вот еще:

□ 440: Привет, Жюдит! Мне очень понравились твои фото, что ты нам приготовила хорошенького?
Эй! Привет! Ты чего не отвечаешь?
Хей? Ты не разговорчивая?
СКУУУУУУЧНООООООООО
Сучка, в любом случае ты слишком толстая!! Отсоси мой большой член!

Большинство бесед – это мертвые чаты вроде «хей!», «привет», «привет, Жюдит». Десятки вариантов ответов на мою шутку в профиле про 5 звезд на BlaBlaCar.

□ 310: Первый раз встречаю человека с пятью звездами на BlaBlaCar.
Я впечатлен.
□ 217: Привет, как дела! Я ищу попутчиков! Да нет, шучу
□ 315: 5 звезд на BlaBlaCar! Неплохо!

Некоторые разговоры меня забавляют. Хотя их я тоже не помню. № 765 уверяет, что из нас бы получилась «самая красивая семья». № 746 играет в демографа: «А ты знала, что 1800 французов живут в Берлине #FUNFACTS». № 628 нетерпелив:

– Привет, Жюдит! Ты вернулась во Францию?
– Да! Но только на две недели, потом снова в Берлин. Как думаешь, выдержишь разлуку?
– Ха-ха-ха! Не уверен!

– Можешь пока посмотреть TedTalk для мотивации.

– Да, так и сделаю! Как быть терпеливым на профессиональном уровне.

Да, диалог с номерами 611 и 610 я начинаю с одной и той же любимой фразы: «Tinder та еще дыра». Номерам 609, 608, 607, 606, 605, 604, 603, 601, 600, 599, 598, 597, 596, 595 пишу то же самое.

В глубине души я все же отлично понимаю, что делаю. Текстовый файл этих переписок позволяет увидеть их такими, как есть, без приукрашек графики и дизайна приложения.

Я отлично помню то первое января. С момента моего расставания с Миражом прошло чуть больше месяца, я еще не переехала в Берлин. Слежу за его вечеринкой, просматривая его аккаунт и аккаунты его друзей в инстаграме. Я должна была быть там, с ним, счастливая. Мой вечер не так плох, однако к полуночи меня охватывает тоска, что я не могу обнять своего парня, как это делает брюнетка рядом со мной. Но еще меньше мне хочется, чтобы эту тоску заметили, я не хочу вызывать жалость. Почему мне так стыдно быть одинокой? Почему мне так стыдно переживать из-за этого одиночества? Мне кажется, даже если бы мухлевала с налогами, я бы чувствовала себя менее жалкой. «Смогу ли я снова влюбиться?» – спрашиваю я себя по дороге домой в шесть утра.

Дальше все предсказуемо. Комната наполняется серостью январского утра, я в полудреме беру телефон и свайпаю, свайпаю, свайпаю, переписываюсь с кем попало в надежде избавиться от горечи одиночества. «Я не позволю себе так начать новый год», – обещаю я себе. В беседах, которые я веду в это же время, я совсем другая. Притворяюсь позитивной

и динамичной: «Только что вернулась домой, протанцевала всю ночь! Съем большую тарелку спагетти и спать!!» № 603 отвечает, что ему немного грустно проводить первое января в Tinder. Ого? Он не из Парижа, он просто приехал на Новый год.

Переписка с № 603 заняла примерно 12 страниц. Я говорю, что мне «очень нравится его борода», что «ну, если у него еще не было Tinder-свиданий, я его научу», уверяю его, что «у меня тоже редко случаются приятные беседы в Tinder», перед тем как закрыть приложение. Беспечная жестокость. Я понимаю, что просто хочу, чтобы на телефоне высвечивались уведомления. Я еще подростком запомнила поэтическое название книги Анны Гавальды «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал». Я могла бы заняться плагиатом и дать названия этим восьмистам страницам. Не «Жюдит Дюпортей – зашифрованные архивы», а «Я хочу, чтобы кто-нибудь мне написал». Или даже так: «Я_хочу_чтобы_кто-нибудь_мне_написал». Так я обошлась не только с № 603, но и со многими другими.

Потихоньку я начинаю разбирать реальность. Я перечитываю сотни страниц переписок, и в голове формируется мысль, будто относящаяся к кому-то другому, ведь слишком тяжело думать так про себя: «Эта барышня сошла с ума, у нее зависимость от Tinder». Первое чувство, которое я испытываю, – стыд. «Я совершенно слетела с катушек», – на этот раз я говорю вслух. У меня зависимость. Это неутралимая, постоянная необходимость в самоутверждении. Я пользовалась Tinder десятки и сотни раз, чтобы заполнить пустоту. Но в лодке течь. Вот уже три года, как я установила приложение, а я все больше чувствую внутреннюю пустоту и наблюдаю, как множатся мои неврозы.

Я абсолютно, совершенно точно сумасшедшая. В десятый раз перечитываю свою шутку про то, что я серийная убийца

на задании и зарегистрировалась в Tinder ради него. Как я могла забыть всех этих людей? Какую еще чушь я творила в этой части жизни, о которой у меня не осталось никаких воспоминаний? А парни, что оскорбляли меня, они тоже всё забыли и живут с верой в собственное примерное поведение лишь потому, что не приемлют свою темную сторону? Неужели интернет стал отдушиной для нашего сумасшествия?

Через несколько дней я поговорила с Эриком Клиненбергом, социологом из Университета Нью-Йорка, о моих восьмистах страницах. Он изучает целибат и новые формы отношений. Эрик стал известен в 2012 году благодаря своей книге «Going Solo»*. В 2015 году он написал в соавторстве с актером и сценаристом Азизом Ансари другую книгу — «Modern Romance: an Investigation» («Современная романтика: исследование»). В ней авторы пытаются измерить силу потрясения, которое нанесли технологии укладу наших любовных отношений.

«Я удивлена, что веду себя гораздо хуже, чем думала», — объясняю я социологу в нашей беседе по скайпу. «Меня это совершенно не удивляет, — отвечает он. — Интернет все чаще становится местом разрядки, где каждый старается снять напряжение за счет другого». Я ничем не лучше мужчин под номерами 847 и 848. Странно получить опыт такого глубокого самоанализа с помощью инструмента слежки. Будто АНБ открыло свои архивы в терапевтических целях.

Осознание горько, оно ранит, нокаутирует меня, почти как апперкот. Но в то же время я чувствую и освобождение. Я больше не могу врать себе. У меня есть проблема.

---

* В русском издании: Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — Прим. ред.

Патологическое желание доказывать себе, что я могу кому-то нравиться. И невозможность двигаться дальше, создать настоящую связь. Каждый раз я начинаю одну и ту же недоисторию.

У меня нет денег на обычную психотерапию, так что я закатываю рукава и в следующие несколько месяцев трачу все свободное время на чтение литературы о зависимостях, ищу слова, чтобы диагностировать свою «болезнь». Я нашла теорию привязанности психиатра и психоаналитика из Великобритании Джона Боулби. По мнению ученого, существует четыре типа привязанности: надежный, тревожно-устойчивый, тревожно-избегающий, дезориентированный. Люди, страдающие расстройством тревожно-устойчивой привязанности, как я, нуждаются в постоянном одобрении и стараются побыстрее закончить отношения из страха быть брошенными.

Что касается моих привязанностей — они настолько тревожны, что приобретают черты избегающих (или тревожно-избегающих): я собираю мэтчи и потенциальных кандидатов, но избегаю реальных связей и возможностей проявиться своему настоящему «я» — девушке, полной страхов и тревог. Все эти откровения настаивались и облекались в слова и смыслы на протяжении нескольких недель. Я записываюсь во все группы поддержки по теме «любовь», «свидания» и «личное развитие», которые нахожу в Берлине. Здесь это просто, можно найти собрания таких групп почти в любой день, даже на английском, даже за бесплатно или за символические деньги. Регистрируюсь в Meetup — это социальная сеть, предназначенная для встреч людей с похожими увлечениями. Она также ищет все занятия и студии, которые могли бы меня заинтересовать. В Париже я бы ни за что не отважилась на такое, друзья бы меня засмеяли.

Половина собраний меня раздражают, их ведут шарлатаны и эксперты по чакрам. Еще треть – утомляют, никто никого не слушает, а часть участников приходит лишь за тем, чтобы набить себе цену и самоутвердиться. Некоторые мне нравятся, иногда в историях других людей я нахожу слова, которых мне не хватало, чтобы понять, что со мной происходит.

Я открываю для себя понятие эмоциональной зависимости и с горечью узнаю в своем поведении его черты. Настоящий удар по самооценке. Этот термин напоминает о толстухе Бриджит Джонс, о сумасшедшей кошатнице или ненормальной тетушке, которая слишком много пьет и заставляет всех чувствовать себя неловко на свадьбах. В общем, всплывают все те жуткие стереотипы об одиноких женщинах. Какого черта! Жюдит, ведь Бриджит Джонс классная! Она носит мини-юбки, пьет водку, бежит за любимым мужчиной в одних трусах по снегу, почему бы не подражать ей? Почему?

Когда я прочитала определение, данное психологом Сильви Тененбаум в книге «Победить эмоциональную зависимость»*, обманывать себя дальше стало невозможно:

Психоэмоциональное равновесие людей нуждается в эмоциональной подпитке, эта необходимость не обязательно указывает на патологическую зависимость. Последняя существует лишь у личностей с недостатком внимания, чье поведение и дисфункции, к сожалению, лишь обостряют проблему.
Патологическая эмоциональная зависимость

---

* Vaincre la dépendance affective. Pour ne plus vivre uniquement dans le regard des autres, Albin Michel, 2010, Sylvie Tenenbaum.

представляет собой «безрезультатную попытку справиться с чувством вины, депрессией и тревогой», что является общей чертой всех наркоманов.

Источник этих тревог и есть та самая эмоциональная зависимость, симптомами которой считаются тревога, чувство вины и депрессия. Пруст справедливо говорил о «любви-наркотике»... Утонуть в безнадежном поиске любви, стать чужим самому себе – то же самое, что забыться с помощью веществ, изменяющих сознание: алкоголя и любых других.

Так, патологическая эмоциональная зависимость и ее спутницы – депрессия, тревога и чувство вины – лежат в основе всех других зависимостей, и человек, получающий дозу подобного наркотика становится рабом того, что он употребляет <...> «Если я буду достаточно добрым, полезным, услужливым, доступным, внимательным, то меня будут любить» – таково глубокое убеждение индивида, страдающего патологической эмоциональной зависимостью. Лишь подтверждение со стороны может убедить этого человека, что он «хороший» и достоин любви.

Ох, я помню, как задавала себе этот вопрос: «Была бы я достойна любви, если бы у меня был более высокий рейтинг

Эло?» Вспоминаю свои отношения с бывшим, которые продолжились почти пять лет. Я постоянно боялась, что он во мне разочаруется. Наше расставание стало почти облегчением: мне больше нечего было терять.

Узнаю себя и в определении эмоционально зависимого Женевьевы Кребс*:

Эмоционально зависимый человек живет в состоянии нехватки внимания и внутренней пустоты, которые постоянно вызывают в нем тревогу. Степень зависимости определяется способностью справляться с одиночеством <...>. Быть наполненным любовью и вниманием или зависеть от еды, алкоголя, секса, сигарет, наркотиков, заниматься спортом до изнеможения или совершать импульсивные покупки – по сути, одно и то же поведение. Все средства хороши, чтобы успокоить панику, вызванную пустотой и нехваткой внимания, но другое (внешнее) снимает тревогу и дарит уверенность, успокаивая, наполняя и подтверждая право на внимание.

Ауч. Смотрю на всю свою жизнь по-новому. Вспоминаю все свои мимолетные увлечения, как спортзал например. Я постоянно чем-нибудь увлекаюсь. Походами по клубам или йогой.

---

* Dépendance affective. Six étapes pour se prendre en mains et agir, Geneviève Krebs, Eyrolles, 2018.

Русской литературой или вегетарианством. В своем био в инстаграме я написала «binge living» (живу запойно) — отсылка к «binge drinking» (запойному пьянству). Во мне живет какой-то вечный двигатель, именно из-за него я хожу на каждую вечеринку в Париже (или любом другом городе), последней ложусь спать на выходных и уговариваю коллег тусоваться до утра: «Ну не можем же мы так просто разойтись?» Меня часто спрашивают, откуда у меня столько энергии. Мне нравится, что эту жажду воспринимают как энергию, как что-то позитивное. Иногда мне кажется, что я иду по жизни так, словно меня тащит за собой на поводке огромный пес, словно в моем горле немой крик: «Может случиться что-то невероятное, ты не можешь это пропустить! А может, оно произойдет именно из-за тебя!» Но потом наступает разочарование, а с ним ненависть к самой себе и жестокая встреча лицом к лицу с внутренней пустотой, которая не уменьшилась ни на йоту.

Я не одна живу с этой проблемой. Согласно исследованиям Шона Боулби, половина взрослого населения западных стран страдает от той или иной формы расстройства привязанности. Некоторым удается нормально с ним жить, возможно, потому что степень расстройства не критична. Любой знак внимания, любые сентиментальные отношения с другим человеком и любая привязанность ведут к некоей форме зависимости. Мы часто говорим друзьям «я могу на тебя рассчитывать» или «если что, я рядом», что говорит о взаимной необходимости. И взаимозависимости, согласованной и выверенной.

В случае с эмоциональной зависимостью мнение другого человека становится все важнее, весомее. Ведь люди, страдающие от этого расстройства, постоянно ищут в других способ залечить первоначальную рану. Необязательно переживать какую-то великую трагедию, чтобы обзавестись

эмоциональными проблемами. Достаточно небольшой травмы, и механика личности нарушается. Травма – страшное слово. В голову приходят катастрофы, пожары, похищения. Но вспомните, какими глазами мы смотрим на мир в детстве. Любое незначительное событие может принять масштабы пожара или катастрофы и привести к серьезным последствиям.

Кажется, я догадываюсь, откуда растут ноги у моей психологической проблемы. Во всяком случае, интуиция подсказывает, когда и как все началось. Мне шесть лет, и мне страшно. Я не уверена, что именно меня пугает. Это смесь разных причин. Скоро я пойду в школу, и мне страшно. Я провожу часть каникул у бабушки с дедушкой, это время кажется вечностью. Я нервничаю и спрашиваю себя, хоть и сама в это не верю, не забыли ли про меня родители? А вдруг? Я провела у бабушки с дедушкой всего несколько дней, не знаю точно сколько. Воспоминания нечеткие, возможно, отчасти достроенные воображением.

Когда дедушка объяснил мне, что значит аббревиатура БОМЖ, я ответила, что я ВВО – Все Время Одна. Не знаю, была ли я действительно все время одна, не думаю. Но попробуйте посмотреть на этот эпизод глазами напуганной маленькой девочки.

Я заедаю тревогу шоколадками Kinder. Это те самые шоколадки с белокурым улыбающимся мальчиком на коробках, а каждый кусочек внутри завернут в отдельный фантик. Я ем их много, очень-очень много. Не останавливаюсь, пока они не закончатся. Мне надо доесть их до конца. Я начинаю толстеть. Сильно и быстро. Естественно, это усложняет начало школьной жизни, я становлюсь объектом насмешек для банды придурков. Я утешаю себя еще бóльшим количеством

шоколадок. Я чувствую себя ужасно, и родители пытаются помочь. Мы идем на консультацию к диетологу.

Одну из таких консультаций я запомнила особенно хорошо. Кажется, я была уже чуть старше. Прошел год или два, я продолжала толстеть. Мы пошли к врачу в среду утром, когда у меня нет уроков. Я в панике: в шкафу нет чистых трусов, а перед врачом придется раздеться! Хватаю пару с сушилки — они еще влажные. Я в ужасе представляю, как врач подумает, что я описалась. Заметно ли это? По дороге на прием я только об этом и думаю. Раньше я не задумывалась о том, что я толстая. Я воспринимала свое тело просто как «свое». Я не задумывалась о своей внешности, пока не было проблем. Сейчас я все время переживаю, нет ли у меня других недостатков, которые я не замечаю. Ведь я не знала, что я толстая, сколько еще у меня таких неочевидных дефектов? Может быть, я плохо пахну? Может быть, я выгляжу так, будто описалась?

Мама ждет в коридоре, мы с диетологом в кабинете вдвоем.

Он просматривает мою карту. Ищет страницу с графиком соотношения роста и веса. До шести лет значение было четко посередине между двумя розовыми линиями, обозначающими границы нормы. С тех пор я постоянно толстела, и мой график все больше отклонялся от заветной золотой середины. На медосмотре в школе медсестра спросила меня: «Ты на полдник ешь хлеб с маслом или масло с хлебом?» Ненавижу масло. И не понимаю, почему медсестра задает такие вопросы. Продукты еще не успели обрести в моей голове моральное значение, напрямую зависящее от их калорийности.

Врач смотрит на график, который все больше отклоняется от нормы.

— Что же такого произошло, юная леди, что ты начала столько есть?

Не знаю, что ответить. Доктор просит раздеться и взвеситься. Я остаюсь в трусах. Очень боюсь, что он подумает, будто я описалась. Я поправилась еще больше. Врач вздыхает, глядя на цифры, и ставит крестик в медкарте.

— Ты ешь дома овощи?

— Ну да...

— Какие?

— Не знаю... Деревенскую смесь, например.

— Замороженную?

— Ну да...

— А твоя мама не очень серьезно относится к проблеме!

Она должна кормить тебя свежими овощами с рынка.

— Папа говорит, что мама работает допоздна.

— Ах, допоздна? Кем она работает?

Я чувствую, что он недоволен, но не понимаю почему.

— Она слушает людей, у которых проблемы. Днем люди работают, поэтому она возвращается поздно... Но мама готовит мне по четвергам.

— Вот оно что, мамы теперь работают допоздна... И тебе готовит папа?

Да, мама поздно возвращается, у нее длинная черная шуба, я чувствую запах холода, когда она приходит и обнимает меня. Она как черная пантера, огромная черная пантера, которая защищает меня по ночам.

— Да, готовит папа.

— Готов поспорить, он частенько кормит тебя жареной картошкой...

— Нет! Но мы часто ходим в греческий ресторан!

Да, папа, конечно, тот еще кашевар. Праздничный ужин у нас обычно состоит из рыбы в панировке и картошки. Зато каждый вечер он смешит нас с братом до коллик. Я часто

прошу его остановиться, потому что от смеха болит живот!
Но мистеру Овощи с Рынка на это наплевать.

— В греческом? И что ты там ешь?

— Ну, сэндвич с мясом, картошкой фри, салатом, помидорами, луком, но не обязательно класть все вместе, можно выбрать — лук, помидоры или салат.

— Это кебаб?

Он в ужасе.

— На нашей улице два места, где готовят кебаб...

Он перебивает меня, вздохнув, и дает мне знак одеваться.

Я хотела объяснить, что есть два греческих ресторана. «Злой грек», у него вкуснее, но мы ходим к «доброму греку», там не так вкусно, но «у бедняги совсем нет посетителей!».

Я одеваюсь, мне хочется плакать, рыдать. Кажется, я пережила кошмар всех девочек — оказаться нагишом у доски и неправильно отвечать на все заданные вопросы. Чувствую, будто на меня нападают со всех сторон. Доктор раскритиковал мое тело, жизнь, родителей. Он растоптал весь мой маленький мир. И вот я, полуголая, впервые столкнулась с сексизмом, с нормативностью, с конформизмом. Протягиваю чек, который передали родители. Он запачкан.

— Кстати, передай родителям, что не стоит хранить чековую книжку на кухне...

Действительно, дома бардак, но веселый бардак. Чековую книжку часто можно обнаружить на кухне, блокнот в ванной, шины в коридоре, а кошачью шерсть в душе. Но это мой дом! Мое жилище! Я чувствую себя виноватой за то, что не смогла защитить родителей. Мой детский мозг связывает оценку моего тела с тем, как пренебрежительно доктор говорил о моих родителях. Он считает их плохими из-за меня, потому что я толстая.

Тем же вечером открываю медкарту и смотрю на график соотношения роста и веса. И молюсь. Я никогда в жизни не молилась и не верила в Бога, но я молюсь, стоя на коленях в ночной рубашке: «Боже, пожалуйста, верни мой график в норму, верни мой график в норму».

Ну, конечно. Я пишу эти строки и сразу все понимаю. С тех пор я ничуть не изменилась. Поиск оценки Эло — та же молитва. Я все та же маленькая девочка, мечтающая быть нормальной. Где сейчас стоит мой крестик на графике? Вернулся ли он в рамки нормы? Скажи, Tinder, я теперь в порядке? Каждый свайп должен служить подсказкой и говорить: «Да, Жюдит, ты на правильной стороне!»

Тот факт, что психологические проблемы сделали меня легкой добычей и я стала зависимой от Tinder, отнюдь не доказывает, что проблема только во мне. Нас десятки, сотни, тысячи, миллионы тех, кто не совсем в ладах с головой, когда речь идет о любви и привязанности. Именно поэтому дизайн зависимости так хорошо действует на таких, как я. Я просматриваю десятки и десятки страниц бессмысленных переписок, и по ним это тоже заметно. Часы, проведенные в Tinder, горькая и мрачная пустота, чувство неполноценности и неспособность отказаться от использования приложения помогли в строительстве империи. Моя тоска — их источник прибыли.

Несколько дней спустя я снова открываю документ, хочу посмотреть свою самую первую пару. Страница 801.

Мэтч □ 1:

Привет! Ищу попутчика!

Серотониновая вечеринка

После переезда в Берлин я не думала о Мираже, но, вернувшись в Париж, невольно начинаю размышлять о том, что я могла бы сделать тогда иначе. Если бы мой рейтинг востребованности был выше, смогли бы Мираж или Хаски меня полюбить? В каком мире я вообще живу?

Я думала, что такими вопросами задаются только героини фантастических романов или сериала «Черное зеркало». Сериал рассказывает о том, к каким последствиям может привести развитие технологий в ближайшем будущем. Название — отсылка к черным экранам телефонов, на которые мы постоянно смотрим. В Nosedive*, первой серии третьего сезона, персонажи живут в мире, где любое взаимодействие немедленно оценивается окружающими и хорошая или плохая оценка обуславливает все их существование, в том числе на какие вечеринки они могут ходить и с какими людьми общаться. Пожалуй, этот сюжет не так далек от нашей жизни в Tinder.

---

* На русском языке серия вышла под названием «Нырок». — Прим. ред.

Я с горечью думаю о всех своих кривых, жалких полуроманах, и ведь некоторые из даже толком не начались. Что же произошло? Почему так трудно начать отношения в 30 лет? В 15 лет я пошла на свидание со своим первым парнем в «Макдональдс», мы решили попробовать все виды макфлурри и поставить им оценки. Разумеется, мы не сошлись во вкусах, и разгорелись серьезные дебаты. Мы даже мороженое не могли доесть, потому что слишком нервничали наедине друг с другом.

Наконец после долгих месяцев переписки в MSN и встреч в «Маке» случился первый поцелуй, и стало очевидно, что мы «встречаемся». Ну хорошо. Сегодня в отношениях больше гибкости, и поцелуй отнюдь не значит, что у вас серьезные отношения. Но осталось ли еще это ощущение определенности?

В 11 часов у меня встреча с Беренис*. Ей 21 год, она живет недалеко от Елисейских Полей. Родители нашли ей студию неподалеку от их квартиры. Вы уже успели осудить Беренис за те несколько секунд, что понадобились на чтение предыдущей фразы? Я тоже. Втайне от родителей Беренис подобрала котенка, который теперь живет в ее квартирке, и назвала его Секрет. Вам тоже кажется, что эта деталь делает Беренис привлекательнее? Она — двоюродная сестра подруги моей знакомой, короче, дальняя знакомая. Мне нужно взять у нее интервью про Tinder для одного сайта с подкастами, который скоро запустится. В итоге это интервью так никогда и не было опубликовано.

Я иду на встречу с двойным списком вопросов, как было в случае с Шоном Рэдом. Беренис совершенно сногшиба-

---

* Имя изменено.

тельная, и, помимо прочего, я хочу разузнать, как живет в Tinder тем, кто на вершине рейтинга востребованности.

Я не говорю с ней ни о расследовании, ни о концепции рейтинга Эло, просто беру интервью для подкаста. Это не совсем честно с моей стороны, но я не чувствую себя виноватой. Беренис кажется мне настолько красивой, что ее вообще не должно это волновать. Глупо, конечно, просто я ей завидую. Жизнь очень красивых, очень богатых людей и звезд, должно быть, полна такого пренебрежения со стороны окружающих.

Беренис сногшибательна. Чудо природы, явление, которое должно случаться раз в черт знает сколько лет, что-то вроде генетической Сикстинской капеллы. Высокая, стройная, как лань. Тонкая талия, длинные ноги, роскошные волосы, вздернутый носик и веснушки. Она не ходит, она летает.

«Все зовут меня Берё», — она повторила это несколько раз, предлагая мне называть ее так же. Я не могу, не решаюсь. Беренис восхищает, парализует меня. Накануне она праздновала окончание экзаменов в клубе на Елисейских Полях и ужасно не выспалась. Эта история заставляет меня улыбнуться. Когда мы с Зоей окончили школу, то рассказывали подружкам, что пошли на дискотеку в Париже, а на самом деле провели выходные в доме ее тети в пригороде, где втайне от всех пили пиво.

Беренис нравится отвечать на мои вопросы. Она говорит о себе как о «зависимой от приложений». У нее установлены «они все». Так-так, еще одна зависимая! В голове вновь всплывает образ игрового автомата и крутящихся картинок. Ловушка срабатывает на всех, ведь у мужчин и женщин одинаковые нейромедиаторы. Каждое совпадение провоцирует

небольшой выброс серотонина, гормона удовольствия. Именно он в избытке выделяется при употреблении наркотиков вроде экстази.

Для Беренис выигрыш не зависит от случая, как это бывает с игровыми автоматами. Она выигрывает каждый раз, для нее жизнь в сети — настоящая серотониновая вечеринка. «Для самооценки это самое то. Моя цель — 2000 лайков на Happn, я уже набрала 1400». Приложение Happn — французский конкурент Tinder, в котором можно привлечь внимание понравившегося тебе человека, послав ему «сердечко». 1400 выбросов серотонина на счетчике Беренис. «Сначала я ходила на обычные свидания — прогулки, выставки, но скоро мне просто надоело. Теперь я предпочитаю проверять свою силу по-другому — смотрю, на что готовы пойти мужчины ради свидания со мной».

Она делает паузу и улыбается.

«Например, у меня есть раб. Он сам умолял меня дать ему шанс. Я никогда с ним не встречалась и не встречусь, я же не сумасшедшая, — смеется Беренис. — Он носит пояс верности и должен спрашивать моего разрешения, чтобы снять его. Иногда я позволяю, а иногда нет. Я понимаю, что это безумие! Лучшая подруга не верила мне до прошлой недели, когда мы с ней вместе поговорили с ним по скайпу. Его мечта — убраться у меня дома. Но это уже слишком. Многие мужчины предлагают заплатить за вечер со мной. А я все повышаю и повышаю ставки. Я хочу знать, сколько стою, но не иду дальше торговли, это все лишь для того, чтобы потешить эго. Парни никогда, никогда не говорят мне „нет“».

Она хочет знать, сколько стоит. Она говорит это так просто, глазом не моргнув.

Сперва я думаю о том, что мне никто никогда не предлагал заплатить за свидание. Но тут же начинаю себя ненавидеть за то, что примеряю все на себя. Затем вспоминается Ева Иллуз и ее мысль о том, что мы все относимся к себе как к товарам, когда речь заходит о сайтах знакомств. Беренис только подтверждает этот тезис. Но в ее случае быть товаром не так плохо. Приятно быть таким желанным товаром, как Беренис, ведь ты осознаешь, что стоишь дороже других.

— Можно я загляну в твой Tinder?

— Конечно!

Беренис протягивает мне свой айфон. Она получила десятки сообщений, все они не прочитаны. Я прокручиваю ленту вниз и не вижу им конца. Свайпаю два, три, четыре профиля, все они уже лайкнули ее.

— Неужели ты не встречала никого, кто понравился тебе больше других? Ты никогда не влюбляешься?

— Я еще слишком молода для серьезных отношений. Даже если мне кто-то нравится, я быстро теряю интерес. Меня не покидает ощущение, что я могу найти кого-нибудь лучше.

Я продолжаю на автомате задавать Беренис вопросы о ее жизни в дейтинг-приложениях, но уже не слушаю ответы. Последняя фраза меня добила. Дело не в ней, в голову сразу пришли слова Миража о том, что есть «кто-то лучше на полках». Слова, от которых у меня до сих пор появляется ком в горле. Лучше, лучше, лучше, лучше. Что с вами со всеми? Как, черт возьми, можно оптимизировать личную жизнь, бояться упустить возможность? Долбаное поколение закомплексованных людей, которые не отказываются закрывать для себя эти иллюзорные двери возможностей, так

же вся жизнь пройдет в гребаном коридоре! Лучше, лучше, лучше, лучше. Что значит лучше?

После встречи с Беренис, уже в метро, я предаюсь современной пытке, которую мы все прекрасно знаем. Я ищущу ее в инстаграме. Секунду сомневаюсь, задумываюсь, зачем мне это, ведь лучше от этого не станет. Но это садомазохистское наслаждение. Я рассматриваю стандартный набор фотографий в ее профиле. Верх купальника и джинсовые шортики, грудь, естественно, торчит и без дополнительной поддержки. Никакого целлюлита и растяжек. Вот она смеется, сидя на надувном розовом фламинго, вот селфи, где она корчит милую рожицу и обнимает котенка.

Я останавливаюсь на одной из фотографий. Она лежит у бассейна в черном купальнике. «Наконец-то чудо из чудес во плоти», — комментирует один из ее друзей. Кожа гладкая и ровная, упругая попа, волосы струятся по спине. Я представляю, что бы подумал Мираж, увидев это фото, мысль словно бьет меня под дых. Я навожу зум на ее задницу, словно чтобы нанести себе смертельный удар. Она такая красивая, эта маленькая упругая попка. Готова поспорить, что он бы оценил этот вид, да все бы они оценили. Я практически чувствую вождеделение, которое испытывает гетеросексуальный мужчина, разглядывая такие фото, становится даже обидно. Все мужчины, которых я любила или хотела, видели десятки подобных снимков и, возможно, даже специально искали их. Сравнивали ли они меня с этими изображениями так же, как это делаю я? Я листаю ее инстаграм со стыдливым рвением подростка в поисках порнухи. Снова фото в купальнике, опять! Она что, живет на пляже? Красное бикини, Беренис лежит на полотенце с мокрыми волосами. Она похожа на актрису. Одна из подруг ком-

ментирует: «О, Берè! Если бы только могла поделиться своей красотой!» Меня трогает этот комментарий, который вроде бы шутка, но на самом деле нет.

Самое ужасное, что она такая не одна. В Tinder сотни, тысячи девушек, подобных Беренис. Я представляю себе все их профили, все их фото. Всех этих женщин. С такой же челкой, как у меня, с таким же маникюром, в таких же кроссовках, с таким же образованием. И с такими же маленькими попками, как у Беренис. Чувствую себя ничтожеством. Как соревноваться с такими девушками? Что делать, чтобы тебя не свайпнули влево в поисках кого получше? Какое оружие использовать в этой заранее проигранной, безнадежной битве? Какие у меня шансы против Беренис?

Я думала, что сложнее всего будет написать историю про электрическую зубную щетку. Но нет. Стыд приходит сейчас. Вернувшись домой, я продолжила сталкерить Беренис.

Вот она в соломенной шляпе смеется на пляже (опять!). А теперь завязывает шнурки на лестнице у Сакре-Кёр: на ней кожаная куртка и темные обтягивающие джинсы, которые так хорошо подчеркивают фигуру. На следующей фотографии она танцует с закрытыми глазами, волосы закрывают половину лица, голливудская улыбка, изящные плечи. Мне тяжело в этом признаться, но в эту секунду я хочу быть ей, хочу украсть ее жизнь. Я как нервозно-цифровая версия школьниц, которые восхищаются звездой класса и покупают ту же одежду, что и она.

Телефонный звонок действует на меня как будильник. Реальность вновь хватает меня за горло. Я со злостью захопываю ноутбук и обещаю себе больше ни секунды не думать о Беренис.

Мелкий игрок

26 сентября 2017 года The Guardian, одна из самых известных британских газет, публикует мою статью – анализ 800 страниц моих личных данных под заголовком «Я запросила у Tinder все свои персональные данные и получила в ответ 800 страниц самых темных и тайных сведений о себе»*.

Я предложила статью отделу технологий, и они сразу же согласились. До сих пор не могу в это поверить. Вплоть до публикации я никому о ней не рассказывала, боясь сглазить. В статье я рассказывала, почему алгоритмы Tinder имеют такую власть над нашими жизнями. А еще о том, что по моим лайкам в фейсбуке и личным перепискам Tinder узнал обо мне больше, чем все мои лучшие друзья, родители, психоаналитик (если бы он у меня был), да и я сама. И основываясь на полученных персональных данных, приложение определяет, с кем я смогу встретиться, к кому прикоснуться, кого полюбить, то есть получает огромную власть надо мной, моей жизнью и телом.

---

* I asked Tinder for all my personal data, it sent me 800 pages of my deepest darkest secrets [онлайн], TheGuardian.co.uk, 26 сентября 2017 года.

В этом заключаются две мои основные мысли. Я не упоминаю рейтинг Эло. Этой статье я отдала все свои силы, выложились по полной, часами интервьюировала специалистов. С помощью Луи мне удалось даже задать Tinder несколько вопросов для статьи. Он направил мое письмо в дирекцию и переслал мне ответы.

— Почему Tinder хранит столько информации обо мне?
— Чтобы персонализировать опыт каждого пользователя. Наши серверы мэтчинга настроены динамично и учитывают несколько факторов в момент показа пользователю потенциальных партнеров. Это необходимо для того, чтобы опыт каждого пользователя был уникален.

Когда я уточняю, какая именно информация используется, чтобы отобрать профили лично для меня, и какие у этого отбора последствия, меня отшивают:

— Наши серверы мэтчинга — краеугольный камень нашей технологии и интеллектуальной собственности, мы не можем поделиться информацией об используемых инструментах.

Бла-бла-бла.

Луи немного обеспокоен выходом статьи и поддразнивает меня: «Тебе вовсе не обязательно публиковать злобную статью в Guardian! У нас же была куча суперпроектов для тебя». Он заставляет меня улыбнуться. Луи мне нравится.

Я дописываю статью и заканчиваю так: «Как типичный миллениал, я постоянно прикована к телефону, виртуальная жизнь заменила мне настоящую. Граница стерлась. Tinder — главный инструмент, помогающий мне знакомиться с людьми. Это моя реальность. Реальность, на которую постоянно оказывают влияние посторонние — но меня лишают права узнать, как именно». Издатели Guardian почти ничего

не изменили за исключением лишь пары уточнений. Чувствую себя важной птицей.

С момента публикации статья пользуется огромным успехом. Этот материал стал одним из самых читаемых на сайте The Guardian в 2017 году. Его перепечатывают по всему миру, переводят на китайский, испанский, португальский и немецкий. В следующие две недели на мой почтовый ящик без остановки приходят письма журналистов и просьбы о всевозможных интервью.

Tinder быстро реагирует. Через несколько недель после выхода статьи приложение запускает опцию Download my data, чтобы дать пользователям возможность получать собственные персональные данные. Шаг в правильном направлении! Но, «согласно политике конфиденциальности», доступ к сообщениям, отправленным другими пользователями, теперь закрыт.

Я наслаждаюсь профессиональным успехом, но все еще ощущаю последствия того, что я узнала о самой себе, прочитав те переписки. Приезжаю в офис France Télé, чтобы дать интервью. Гример отчитывает меня за то, как я обращаюсь со своей кожей. Мы смеемся, она милая. Меня просят подождать перед выходом в эфир. Журналистка, другая, не та, что будет меня интервьюировать, спрашивает с подозрением: «Так это вы, та самая девушка с 800 страницами? У вас, как бы выразиться, насыщенная жизнь в Tinder... не так ли?» Я чувствую холодное дуновение стыда, которое овеивает меня прямо перед началом съемки.

В эфире телеканала Arte Клод Асколович 28 минут пересказывает мою статью и показывает юмористический рисунок, сделанный по этому поводу. На карикатуре надо мной

потешается Доминик Стросс-Кан*: «800 страниц — мелкий игрок!» Меня это и забавляет, и пугает — все из-за проблем с привязанностью.

В конце концов меня даже приглашают в лондонский музей Виктории и Альберта, предлагая выставить персональные данные в рамках вечера перформансов. Одна часть моих данных представлена на стенах, другая — транслируется в зацикленном видео. Конечно, это не 800 страниц, а всего лишь треть — я решила не выставлять переписку на французском. Интересный опыт. Когда экспозиция была готова, куратор попросил меня остаться и объяснять посетителям, что это мои персональные данные. Я плохо себе представляю, как можно останавливать людей и говорить: «Привет! Это моя жизнь». Поэтому я просто сижу в углу и рассматриваю незнакомцев, которые, в свою очередь, рассматривают мои персональные данные. Хотя, если подумать, я обменивалась этими сообщениями с такими же незнакомцами.

«Куй железо, пока горячо, пользуйся шумихой, чтобы продать книгу», — говорят мне подруги из Журношлюх. Именно поэтому я решаюсь написать в издательство Goutte d'Or. Ведь в статью удалось уместить далеко не все, что я хотела сказать. За чашечкой кофе я рассказываю издателям, что Tinder тайно оценивает уровень востребованности пользователей и я уже несколько месяцев пытаюсь выяснить свою оценку. Им нравится моя идея, и они даже предлагают возможное название для книги: «В поисках оценки Tinder».

---

* Доминик Стросс-Кан — французский политик, бывший директор-распорядитель Международного валютного фонда, фигурировал в ряде сексуальных скандалов, на которые и ссылается юмористический рисунок. — Прим. ред.

Взгляд Жюдит

По воскресеньям мы часто ужинаем вместе с Джулией, моей соседкой. «Джудитта, иди сюда, давай закажем тайской еды!» – позвала она меня в тот вечер сквозь дверь моей комнаты. Мы по очереди выбираем блюда, открываем бутылку кьянти, и я пытаюсь произнести название вина с итальянским акцентом. «Ты говоришь почти как сицилийка!» – смеется Джулия. Теплая атмосфера, мне кажется, будто я дома в кругу семьи. Я все время недооцениваю значимость рутины в своей жизни, а ведь она мне нужна, я неосознанно стремлюсь к ней. Воскресные ужины с соседкой, ленивые субботы в постели, йога по средам – я с трепетом отношусь к этим маленьким радостям, которые придают неделе размеренность и служат для меня своеобразными якорями. В этот вечер к нам присоединилась подруга Джулии.

Три девушки, бутылка кьянти – и разговор очень быстро переходит на обсуждение парней. «Я плюнула на это дело», – вздыхает Джулия. На прошлой неделе она должна была встретиться с мужчиной, с которым три недели переписывалась в Tinder. Они слали друг другу по тридцать или даже шестьдесят сообщений в день, она не расставалась

с телефоном. В тот день Джулия приняла душ, накрасилась и была уже готова надеть свой наряд в стиле «я секси, но это не нарочно», свидание должно было состояться через час, и тут он его отменил безо всяких объяснений. Как отменяют доставку еды или такси. Но даже такси берет штраф, если не отменить заказ заранее. Я думаю об этом, смотря на бедную Джулию. Ее кавалер больше и не ответил ни на одно сообщение. Более того, они все остались непрочитанными в WhatsApp. Скорее всего, он заблокировал Джулию или старательно игнорирует ее сообщения, как делаю я, когда не хочу открывать рабочие письма, которые вызывают у меня страх.

«Это странно, но мне кажется, будто я его знаю, хоть мы и никогда не встречались», — продолжает она разговор про этого парня. Мне трудно подобрать слова утешения для подруги, столкнувшейся с этим новым видом трусости. Хотя кое-какие мысли на этот счет у меня все-таки есть. Когда они замэчтились, он был в отпуске с отцом. Возможно, ему было просто очень одиноко, и он обрадовался возможности поболтать с Джулией. Но когда пришло время вернуться к обычной жизни, он быстро переключился на что-то другое. Кто знает, может, он общался сразу с несколькими девушками, и Джулия не была его фавориткой.

«На самом деле в Tinder и в других подобных приложениях никогда нельзя верить тому, что читаешь. То, что тебе назначили свидание, еще не значит, что оно состоится. Если кто-то проявил к тебе интерес, нет никакой гарантии, что этот человек напишет снова. Если создается впечатление, что парень заинтересован в общении с тобой, это не значит, что все действительно так и есть. Или что этот интерес не пропадет после встречи и тем более — после секса.

Все обесценилось», – грустно заключает пронизательная Джулия.

Что до меня, так я объявила перерыв в свиданиях, Tinder и всевозможных поисках парня. Я опустошена, моя самооценка находится ниже уровня моря, и разговор с Беренис сыграл в этом свою роль. Я учусь зарабатывать очки самооценки. Мне отвратительна даже мысль о том, чтобы снова становиться объектом мужской валидации. Даже о том, чтобы у кого-то просто было мнение обо мне, о моем теле. Не хочу, чтобы на мои бедра или живот смотрели и выставляли им оценки. Не хочу, чтобы кто-то размышлял, отвечать на мои сообщения или нет, стою ли я того, или все же «есть кто получше на полках». Не хочу представлять, как кто-то анализирует свидание со мной, думает о моих достоинствах и недостатках, взвешивает и оценивает меня, будто выбирает дыню на развале, – для меня это все невыносимо. Я чувствую себя мерзко из-за того, что позволяла так с собой обращаться, а потом ожидала в прострации любой крохи внимания и нежности.

Может, у меня на руках не все карты. В своей книжке-комиксе «Чувства принца Карла»* шведка Лив Стрёмквист пишет, что женщины, которых притягивают эмоционально недоступные мужчины, как правило, сами бывают недоступны. Такие женщины находятся в двойственном положении с точки зрения общественных ожиданий. Поскольку считается, что женщинам крайне важно быть в отношениях, простая потребность в одиночестве расценивается как отклонение от нормы. По мнению Стрёмквист, женщинам приходится подстраиваться под мнение окружающих, и это

---

* Prins Charles Känsla. Ordfront/Galago 2010.

ставит их в уязвимую позицию, делает невозможным достижение свободы. И тогда женщины создают видимость свободы, обманывая других и придумывая отношения, которых на самом деле нет.

Я купила блокнот. Обожаю покупать блокноты, сразу вспоминаю, как ходила по магазинам перед началом каждого учебного года. Я составила список занятий, которые доставляют мне радость, только мне одной, и которыми я занимаюсь не для того, чтобы нравиться парням, даже гипотетическим. Хочу избежать мужского взгляда хотя бы на несколько недель. Мужской взгляд – *male gaze* – это феминистская теория, согласно которой вся доминантная культура представляет нас, женщин, с точки зрения гетеросексуального мужчины, то есть и женщины, и их ценности рассматриваются через эту призму. Понятие «взгляд» крайне важно в этой концепции, ведь она была разработана кинокритиком Лаурой Малви* в семидесятых.

Согласно теории Малви, женские журналы также подчиняются *male gaze*, ведь они объясняют женщинам, как удовлетворить мужчину и привлечь этот взгляд, одеваясь по моде или используя правильную косметику.

Я вдохновилась мотивационной системой моего друга Тео, он начисляет сам себе очки каждый раз, когда доводит до конца какую-нибудь профессиональную задачу. Этот метод помогает ему не терять мотивацию и улучшать продуктивность. Он прав: лучше я сама буду начислять себе очки, чем стараться получить их от стороннего наблюдателя. Прочитать роман – 5 очков, посмотреть фильм – 5 очков,

---

* *Visual Pleasure and Narrative Cinema*, Laura Mulvey, *Oxford Journals*, vol. 16, n° 3, 1975.

приготовить себе что-нибудь вкусненькое – 4 очка, душевно поболтать за чашкой ромашкового чая – 5 очков, послушать философскую передачу в 10 утра на France Culture – 3 очка, выпить кофе на террасе с подругой – 3 очка, послушать музыку на вечерней прогулке – 2 очка и так далее. Я стала записывать все, что порадовало меня за день. В это воскресенье, например, я заработала одно очко, увидев белку у берлинского Ландвер-канала. Потихоньку я составляю книгу «взгляда Жюдит».

Первая оценка

Я толкаю большую стеклянную дверь книжного магазина-кафе. Пересекаю зал, прокладывая дорогу между стопками подержанных книг. Кстати, может, учить немецкий по детским книжкам? Цветы на каждом столике, играет спокойная фоновая музыка. На часах 15:00, будний день, зал почти пуст, только за парой столиков сидят старушки. Одна из них ест яблочный пирог с огромной порцией взбитых сливок. Антон*, специалист по алгоритмам и данным, уже ждет меня. «Я хожу сюда завтракать, это хорошее заведение», — говорит он мне, пока я устраиваюсь напротив в мягком кресле из красного бархата. «Я сейчас безработный, решил вот изучить машинное обучение и пробую открыть булочную. — Антон рассказывает об этом с шутливым видом. — Алгоритмы и выпечка хлеба — очень похожие процессы. В обоих случаях надо следовать инструкции!» Идея пекаря-активиста забавляет меня. До Антона дошли слухи о моем расследовании через общую знакомую. Он написал ей: «Возможно, у меня есть кое-что для

---

* Имя изменено по просьбе героя.

твоей подруги-журналистки». И я очень рада, что он связался со мной.

Я сижу в компании симпатичного незнакомца и не очень представляю, о чем пойдет речь. Антон начинает безо всяких предисловий: «Меня заинтересовала информация, которую посылают серверы Tinder. Возможно, тебе покажется интересным, что некоторые фотографии имеют параметр „success rate“, или „рейтинг успеха“».

Этот рейтинг состоит из десяти цифр, например 0,131313131313133. Антон считает, что у нас есть шанс получить к нему доступ. По его словам, эта цифра соответствует проценту лайков, которые получил профиль с этой фотографией – Tinder ни опроверг это, ни подтвердил его теорию. Рейтинг успеха фотографии из примера выше – 13%. Эта цифра связана с функцией Smart Photo, которая позволяет сделать титульным изображение с лучшим рейтингом, при этом Tinder не сообщает вам процент успеха фотографии. В блоге приложения* Tinder признает разработку опции с помощью машинного обучения. По сути, внутренние алгоритмы изучают поведение пользователей, чтобы определить самую эффективную систему оценок. Идея проста: приложение проверяет, какие фотографии работают лучше, представляя их по очереди большому количеству пользователей. Согласно Tinder, это позволяет увеличить количество мэтчей на 12%. «Мы словно ваша личная команда исследователей, – комментирует Tinder в другом посте блога**. – Какое фото лучше сделать титульным? Может, фото с собакой

---

* Smart Photos [онлайн], tech.GoTinder.com, 13 октября 2016 года.

** Tinder представляет Smart Photos: покажите себя с лучшей стороны [онлайн], blog.GoTinder.com, 13 октября 2016 года.

сработает лучше? С опцией Smart Photo вы быстро получите ответы на эти вопросы. <...> Действительно, за каждым вашим свайпом стоит наука. Мы используем секретный рецепт, чтобы просмотр профилей стал более увлекательным и эффективным».

Антон уверяет, что может раздобыть мой «рейтинг успеха» именно потому, что я активировала функцию Smart Photo. А вот получить доступ к рейтингу Эло, напротив, невозможно: эта информация остается внутри Tinder, она не циркулирует между телефонами пользователей и серверами.

Оценка! Я узнаю свою первую оценку! Какой она будет? Буду ли я в середнячках? Выше? Ниже?

«Мне придется перехватить твой рейтинг „на лету“. Это единственный способ раздобыть его. То есть только когда какой-нибудь мужчина будет смотреть твой профиль». Эта информация не хранится в моем профиле или в телефоне, она появляется, лишь когда моя фотография показывается другому пользователю. Антон создал для этого специальный аккаунт. Он нашел способ сделать так, чтобы мой профиль выпал именно ему. «Я собрал всю информацию о тебе. Лайкнул те же страницы в фейсбуке, подружился с несколькими твоими друзьями, притворился, что учился в том же университете, что и ты, и что живу на той же улице». Он смеется.

Я уже не знаю, как реагировать, но хотелось бы понять, на что еще способен этот булочник-хакер. И, будем честными, любопытство всегда побеждает. Я делаю заметки, чтобы не упустить ни одной детали из того, что говорит мой собеседник.

«Мы постараемся проникнуть в интерфейс программирования Tinder и украсть данные, которыми обмениваются

приложение и твой телефон», — говорит Антон. Интерфейс программирования, или API — Application Programming Interface, — это что-то вроде экспресс-мессенджера для общения приложения и сервера, он отправляет мой запрос и принимает ответ. Как нервы передают сигналы от мозга к разным частям тела. Например, когда я подключаюсь к Tinder, на сервер отправляется соответствующее сообщение, в котором говорится, что мне нужно показывать профили для свайпа, обновить переписки и мэтчи. В ответ сервер посылает мне новые профили и мои собственные персональные данные — эта информация хранится на сервере, она не принадлежит мне и не сохранена в моем телефоне. И так происходит каждый раз, когда пользователь заходит в приложение.

Антон подключился к API Tinder и рассказывает, какими данными обменивается приложение и мой профиль. «Я ждал тебя, чтобы протестировать этот метод. Но я уверен, что он сработает и мы тебя найдем, вот увидишь».

Экран Антона поделен на две части. Слева — привычный Tinder с чередой профилей, которые можно свайпать вправо или влево. А справа, как в фильме «Матрица», черный экран и дождь из зеленых букв. Когда слева всплывает новый профиль, справа появляются координаты его фотографий, информация о нем и, наконец, его рейтинг успеха.

Я смотрю на зеленые символы и думаю о том, что каждый раз, когда я сижу в телефоне, где-то активизируются все эти данные. Ведь малейшее действие требует обмена огромного количества информации. Если бы мы могли видеть перемещение данных, нам было бы понятнее, сколько информации о нас известно посторонним. На ум приходят осьминоги: они постоянно меняют цвет, чтобы передавать сообщения и выражать эмоции, хотя они не способны различать цвета.

Я была просто в шоке, когда узнала об этом. Но ведь мы не так уж сильно отличаемся от них: мы постоянно делимся с миром своими данными, но не можем ни увидеть, ни понять эти сообщения.

Мы пролистали десятки профилей, когда на экране наконец появилось мое фото. Антон чуть было не смахнул его машинально влево, чтобы увидеть следующий профиль, и мы едва не упустили мой рейтинг. Я хватаю его за руку и кричу: «Это я!» Он тоже испускает что-то вроде вскрика удивления, а потом начинает меня подкалывать. Все кафе смотрит на нас.

- Разоблачение неминуемо! – бросает он радостно.
- Страшновато.
- Да, мне тоже, – неутешительно отвечает Антон.

Я поднимаю глаза и смотрю на бабушек, сидящих рядом. Завидую им. Не терпится стать старой, чтобы подобные вопросы перестали меня мучить. Ведь когда тебе 70, можно больше не стараться быть красивой, правда? Больше никаких соревнований. Хочу быть старушкой, которая ест пирожные посреди дня, хочу поскорее уйти с этого большого рынка секса. Хотя говорят, что среди пожилых женщин тоже идет война за мужчин, ведь они умирают раньше.

Господи боже. Эта гонка когда-нибудь закончится? Буду ли я в 70 все так же просматривать профили других женщин в инстаграме, чтобы сделать самой себе больно? Или чтобы покритиковать их и почувствовать себя не такой уж неудачницей? Возможно, к тому времени я смогу спроецировать голограмму фотографии у себя дома, чтобы лучше рассмотреть все детали, или даже сравнивать свои фотографии с чужими на двух голограммах бок о бок. Amazon Echo Vox уже предлагает функцию оценки внешнего вида, может,

я смогу спросить у него, на сколько очков отстаю от других девушек и как мне стать лучше. Правда, после этого на меня обрушится лавина таргетированной рекламы валиума, прозака и других антидепрессантов. Готова поспорить, даже с бесплатной доставкой.

Такая перспектива почти физически давит на меня, и я чувствую, как опускаются плечи. Улыбаюсь бабулям вокруг, чтобы как-то вернуться в игру. Интересно, имеют ли старушки за соседним столом хоть какое-то представление о том, что такое «рейтинг успеха»? Я переживаю, что мой рейтинг будет ничтожно низким и я ударю в грязь лицом перед Антоном. Боюсь разочарования. Все же очень хочется получить хорошую оценку.

– А вот и он! Твой рейтинг успеха равен 0,5505097508430.

То есть 55%. Меня лайкает каждый второй.

– Очень печальная цифра. Ты прямо посерединке! – шутит Антон.

Я смеюсь вместе с ним и пытаюсь казаться беззаботной. Я толком не понимаю, как реагировать. Я одновременно и обнадежена, и расстроена. Обнадежена, потому что получила не 25% и не 15%. Конечно, часть меня мечтала о 70%. Интересно, кто эти парни, что свайпнули меня влево? Выкинули? Представляю свое фото и на нем красный крест и печать «NOPE», которые появляются, когда профиль отклоняют. Может, это парни, которых привлекают только стройные, суперспортивные креветки и фитоняшки? А может быть, мое тело тут и ни при чем? Может, эти парни любят девушек, увлеченных путешествиями, походами, палатками, или женщин, любящих музыку, кино, тех, кто может часами говорить о любимом режиссере и в своих профилях упоминает десятки любимых фильмов?

Интересно, скольким вообще людям попадался мой профиль? Нескольким тысячам? Десяткам тысяч? Ну и ну! Ведь если мой рейтинг успеха равен 55%, то примерно половина меня отклонила, а это 4000–5000 человек. Как представить себе 5000 человек? Концертный зал? Но есть точно такой же, набитый людьми, которые меня лайкнули! Абсурд! А я? Сколько я видела разных профилей? Во скольких концертных залах сижу я?

«Никаких фотографий членов!»

У меня встреча в отеле George V* у Елисейских Полей. Да-да, в George V. Я встречаюсь с Уитни Вульф. Раньше она работала в Tinder, а после ухода основала Bumble, приложение для знакомств с феминистским уклоном. В Bumble беседу могут начать только женщины. Приложением пользуются 36 миллионов человек. Сегодня это главный конкурент Tinder, и Match Group хочет его выкупить.

Я нервничаю из-за встречи в George V. Боюсь опозориться или неправильно себя повести. К тому же в отеле два кафе, и сначала я прихожу не в то, десять минут жду на диване, пока мне не звонит пресс-атташе Вульф и не спрашивает, где я. Осознав свою ошибку, я вскакиваю из-за стола и в спешке забываю оплатить латте. Неоплаченный счет в George V!

Сажусь рядом с Вульф. Рядом с нами ее пресс-атташе и еще две женщины, которые вручают мне сумку с рекламными

---

* Один из самых дорогих отелей Парижа, принадлежит к сети Four Seasons Hotels and Resorts. Ряд изданий неоднократно признавал его «лучшим в мире». — Прим. ред.

сувенирами Bumble. Она здороваается со мной на велико-
лепном французском. Длинные светлые волосы, бриллиант
на пальце, сама представительность и уверенность. Ощу-
щение, будто она только что вышла с лекции о женщинах
на руководящих постах на Ted Talk. «Итак, Жюдит, мы сильно
выбились из графика, так что давайте поторопимся».

Ненавижу опаздывать. Чувствую неловкость. Хочу по-
скорее достать записную книжку из сумки и одновременно
снять шарф, от этого мои движения становятся резкими
и неуклюжими. В итоге я только трачу еще больше време-
ни. Чувствую себя тюфяком и недотепой. Вульф на три года
младше меня, однако я сама кажусь себе девочкой рядом
с ней. Включаю диктофон на телефоне, стыдливо прикрывая
разбитый экран.

Уитни Вульф была частью команды, которая запускала
Tinder. Вместе с Шоном Рэдом они работали в инкубаторе
IAC, которому принадлежит Match Group. Именно ей пришла
в голову мысль назвать приложение Tinder, что с француз-
ского переводится как «фитиль». Поначалу все шло отлично.
Вице-президент по маркетингу и сооснователь приложения,
Уитни ездила по американским университетам и реклами-
ровала Tinder, раздавала интервью женским и лайфстайл-
изданиям*.

Все было прекрасно до ноября 2013 года, когда Уитни
рассталась со своим спутником Джастином Матином, со-
основателем приложения. Тут начались неприятности,
если верить утверждениям из иска о домогательствах, ко-
торый Уитни подала на Tinder в 2014 году. Дело завершилось

---

* How to Tinder, by the woman who invented Tinder, Harper's Bazar, 30 октября 2013 года.

мирным соглашением и чеком на миллион долларов, сегодня она отказывается говорить об этом конфликте. Но адвокаты Уитни выложили в сеть текст иска, поданного в суд Лос-Анджелеса*.

Уитни Вульф вывели из состава соучредителей сразу после расставания с Джастином Матином по его просьбе. Официальная причина, которую привел бывший спутник Вульф, звучала так: Tinder будет выглядеть несерьезно, если в учредителях будет числиться 24-летняя женщина. «У Facebook и Snapchat в учредителях нет женщин», — оправдывался он, когда Уитни подала жалобу в суд. Шон Рэд поддержал Матина и сообщил Вульф, что она отныне не имеет права представляться соучредителем и если она чем-то недовольна, то она вольна покинуть компанию.

Я не могу не думать об этой истории, когда сижу рядом с ней.

- В чем заключается феминистичность Bumble?
- Мы не позиционируем себя как исключительно феминистическое приложение, но в нашем приложении у женщин есть власть. Только женщина может начать диалог в создавшейся паре, и на это у нее есть сутки. Во всех других приложениях для знакомств каждая женщина хоть раз получала агрессивные, жестокие или пошлые сообщения. Некоторые мужчины отправляют подобные сообщения, потому что совершенно задавлены асимметричностью отношений между мужчинами и женщинами, которая царит в классических приложениях для знакомств. В этой схеме мужчина должен во что бы то ни стало привлечь внимание

---

* Complaints with exhibits, Rudy Exelrod zieff & lowe, Rezlaw.com, 30 июня 2014 года.

женщины, которая получает десятки сообщений в день, именно эта необходимость делает некоторых мужчин агрессивными. Мы снимаем с мужчины роль охотника и передаем власть женщине, таким образом создавая условия для более легкой беседы. И никаких фотографий членов!

В жалобе Уитни Вульф говорится, что после того, как Джастин Матин лишил ее статуса соучредителя Tinder, он стал отправлять ей десятки сообщений. Он мешал ей давать интервью и отвечать на запросы прессы. Она обратилась за помощью к Шону Рэду, но в ответ получила лишь видимость поддержки.

— Трудно беседовать с вами, не думая о тех испытаниях, которые вы пережили, работая в Tinder...

Я стараюсь как-то выйти на эту тему.

— Не хочу говорить о Tinder. Желая им всего самого лучшего — это все, что я могу сказать.

— Жюдит, может быть, у вас есть вопросы, которые касаются Bumble?

Я возвращаюсь в строй без возражений и продолжаю интервью. Меня до смерти достали все эти пресс-атташе, которые постоянно следят за регламентом.

Уитни Вульф уволилась 6 апреля 2014 года. Через несколько недель она подала жалобу на Джастина Матина за дискриминацию и сексуальные домогательства, а также рассказала о том, какая атмосфера царит в Tinder: «Хочется описать поведение сотрудников Tinder как мачистское, но в реальности все намного хуже; их поведение отражает худшие аспекты и стереотипы поведения мизогинных альфа-самцов, присущие технологическим стартапам».

Когда информация об этом деле появилась в прессе, Джастин Матин отстранили от работы, и в итоге он уволился.

Пресс-атташе группы IAC заявил: «Внутреннее расследование, проведенное после того, как была подана жалоба, доказало, что господин Матин действительно посылал Уитни Вульф неуместные сообщения. Мы решительно осуждаем такое поведение, однако утверждение Вульф о методах управления в Tinder мы считаем беспочвенным». Шон Рэд на время был снят с должности генерального директора, но через полгода снова вернулся на свой пост.

Сегодня Шон Рэд больше не работает в Tinder, вместе с Джастинем Матином и восемью другими коллегами они судятся с IAC. Они обвиняют организацию в искусственном занижении капитализации приложения, что нанесло им ущерб. После переговоров Дэвидсон Голдин, пресс-атташе Шона Рэда и Джастина Матина, сообщил, что нет достаточных оснований для того, чтобы отвечать на наши вопросы.

«Сердце» Tinder?

Я еду в немецком скоростном поезде ICE, на почту приходит новый мейл. В ту же секунду в вагоне появляется официант с термосом кофе. Запах соблазняет меня, к тому же к напитку подают маленькую шоколадку Ritter Sport. Я беру стаканчик.

Мейл прислала Джессика Пиду, профессор цифровых гуманитарных наук в Федеральной политехнической школе Лозанны. Она пишет диссертацию о научных моделях алгоритмов, которые используют сайты знакомств. Джессика связалась со мной после того, как в The Guardian вышла моя статья. Она хотела поделиться со мной своими изысканиями и выслала все свои работы о Tinder, в том числе и магистерскую диссертацию. Забавно, что Джессика, как и я, использует свидания в исследовательских целях.

Просматриваю ее работу – документ состоит из 80 страниц. В поезде жарко, на меня нападает воскресная усталость, мне лень. «Ну нет, Жюдит», – мотивирую себя глотком кофе. Исследователь детально описывает принцип работы приложения, останавливается на дизайне каждой кнопки. Вдруг одна фраза резко выдергивает меня из полудремы: «Рассмотрим это с точки зрения базового алгоритма приложения».

И, будто речь шла о том, чтобы зайти в общедоступный музей, она делает отсылку к патенту «US2018/0150205A1». Это еще что за дела? С каких это пор мы можем «рассмотреть» самый секретный секрет Tinder — его алгоритм?

Вбиваю номер в поиск Google Patent — это версия поискового механизма, специализирующаяся на патентах, — и нахожу документ* из 27 страниц на английском, набранных восьмым кеглем. В графе «изобретатели» числятся пять имен, в том числе Шон Рэд и Джонатан Бадин — два сооснователя приложения. Речь идет о патентной заявке под названием Matching Process System and Method, поданной Match.com — одной из организаций гигантского конгломерата IAC, которому принадлежит Tinder.

Анализируя алгоритм, Джессика Пиду пишет**: «Из этого следует, что Tinder обуславливает социализацию, основываясь на патриархальной модели гетеросексуальных отношений». Звучит интригующе...

Чтобы разобрать этот документ и проверить каждую строчку, мне потребовалось несколько месяцев. Но это того стоило. Оказывается, алгоритм может отдавать предпочтение мэтчу более взрослого мужчины с молодой, менее обеспеченной и менее образованной женщиной. Но он оставляет надежду на случайность встречи между двумя незнакомцами, чтобы повысить веру в пересечение судеб.

Первая публикация патента датируется июнем 2009 года. Тогда в «создателях» фигурировали лишь три имени:

---

* <https://patents.google.com/patent/US9733811B2/en>.

** Toi et moi, une distance calculée. Les pratiques de quantification algorithmiques sur Tinder, Джессика Пиду, отрывки из книги Livre des actes du colloque de Cerisy: Carte d'identités, l'espace au singulier, июль 2017 года.

Тодд М. Каррико, Кеннет Б. Хоскинс и Джеймс К. Стоун. Следующая версия с теми же создателями появляется в октябре 2013 года. В третьей версии, опубликованной в марте 2014 года, в списке создателей появляется имя Шона Рэда. А в августе 2017-го к ним присоединяется Джон Бадин, второй сооснователь Tinder. Пятая публикация алгоритма от августа 2018-го все еще содержит имена Шона Рэда и Джонатана Бадина. Стивен Кей, автор книги «Sell Your Ideas With or Without a Patent» («Продавай свои идеи с патентом или без него»), объясняет: «Когда вы получаете патент, вы должны оплачивать сбор за поддержание действительности патента. Если создатель больше не верит в свое детище, он перестает платить». В нашем случае Match.com несколько лет продлевает патент, внося в алгоритм небольшие изменения. Например, с 2014 года на схемах, постоянно мелькающих в документе, появляется название «Tinder».

Почему же чертов Tinder систематически отказывается отвечать на вопросы об алгоритме и в то же время оставляет патент, связанный с системой мэтчинга, в свободном доступе?

«Когда заявка на патент одобрена, она становится публичной, — рассказывает Дэвид Придэм, генеральный директор Dominion Harbor Group, американской адвокатской конторы, специализирующейся на интеллектуальной собственности. — Служба патентов считает, что, раз ваше изобретение было запатентовано, оно полезно для общества, а следовательно, общество должно иметь к нему доступ. И если кто-то хочет им пользоваться, он должен заключить с вами соглашение».

В январе 2017 года Tinder подает в суд на Bumble за копирование дизайна — той самой системы свайпов — и за нарушение соглашения о конфиденциальности, приводя именно этот патент в качестве доказательства. Bumble обратились в суд с заявлением о несостоятельности обвинений Match Group.

Патент — лазейка, дающая возможность покопаться во внутренних Tinder. Лазейка, утвержденная двумя сооснователями приложения! Для меня это будто золотой слиток, который кто-то оставил на улице, где тот валялся годами. Неужели никому не пришло в голову изучить этот документ? Как такое возможно? Таина Бухер — исследователь Копенгагенского университета, специалист по алгоритмам в рекламе. Она написала статью, посвященную этому вопросу*. «Конфиденциальность алгоритмов столько раз подчеркивалась в медиа, что ученые оставили попытки исследовать их, — объясняет Бухер. — СМИ часто называют алгоритмы „секретными рецептами“. В итоге эта идея укоренилась в нашем сознании. Хотя, даже если вы не программист, изучение заявки на патент может дать вам критическое видение того, как работает программа».

Что можно узнать из такого патента, какие истины из него выудить? «Изучение патентов дает возможность узнать о деятельности компании и максимально приблизиться к ней, — говорит адвокат Дэвид Придэм. — Facebook и Google без усталости изучают патенты друг друга». Однако компания может подать заявку и на патент, который никогда не станет продуктом. Специалист Стивен Кей уточняет: «В любом случае патенты показывают, в каком направлении движется компания, ее общий настрой, выдают суть планов на будущее».

Во всем документе редакторы патента пишут с осторожностью, что речь идет только о том, что «возможно» сделать. В документе говорится: «Замены и изменения [в функционировании системы мэтчинга] возможны, но без искажения духа и значимости утверждений, приведенных здесь».

---

* Neither Black Nor Box: Ways of Knowing Algorithms, p. 81-98, Innovative Methods in Media and Communication Research.

Посмотрим, что из себя представляет «дух» Tinder.

На самых первых страницах я становлюсь свидетельницей рождения свайпа, схематично изображенного на примере из четырех маленьких фигур. О, свайп! Я почти забыла о тех временах, когда тебя не существовало, временах, когда ты еще не перекочевал во все приложения для знакомств, шопинга или чтения новостей. А появление на свет мэтча? Это гениально! Я своими глазами читаю о том, как зарождались изобретения, изменившие мою повседневную жизнь. Появляется желание прочитать все патенты — от патента на изобретение электричества до Facebook. Думаю, Ролан Барт был бы счастлив прочитать «Фрагменты любовной речи» в алгоритмической версии.

Авторы патента объясняют, почему необходимо выстроить «систему мэтчинга» на сайте знакомств, а не давать волю пользователям:

Многие думают, что управление сайтом знакомств — простое дело, которое заключается в сведении спроса с предложением. Однако есть статистические и эмпирические доказательства, показывающие, что успешный сайт знакомств требует куда больших усилий.

Успешный сайт знакомств требует куда больший усилий. Окей. Но каких именно? Во-первых, нужно ограничить «нежелательные коммуникации», которые также называют «надоедливymi запросами», чтобы «пользователи с наиболее привлекательными профилями» не перестали пользоваться приложением. «Пользователи с наиболее привлекательными профилями» — это, должно быть, женщины. Ведь,

как мне объяснял Луи, отвечающий за связи с общественностью Tinder во Франции, дейтинг-приложениям, в том числе и Tinder, гораздо сложнее привлечь женщин, чем мужчин.

В одной из версий патента говорится, что после каждого лайка сервер подбирает для вас нового человека с похожим профилем.

Сервер может быть настроен так, чтобы считывать неявные сигналы <...> с помощью алгоритма по распознаванию лиц, который определяет этническую принадлежность, цвет волос, цвет глаз тех людей, которых уже лайкнул пользователь.

То есть я буду встречать больше голубоглазых парней в Tinder, потому что лайкнула Хаски?

Система также сканирует описания наших профилей:

Сервер может быть настроен так, чтобы искать в профилях пользователей ключевые слова, связанные с их деятельностью или интересами. Анализ ключевых слов может быть использован сервером, чтобы подобрать пару для пользователя.

Грубо говоря, если я напишу в Tinder, что «обожаю кошек», то буду видеть больше мужчин, которые упоминают кошек в своих профилях. Все эти данные сводятся вместе, чтобы выдать оценку совместимости вашего профиля с другим. Ну вот, Жюдит, вот почему тебя достали шутками про BlaBlaCar... Приложение просто предлагало тебе фанатов

тачек! Мне смешно, но я вспоминаю, что уже задумывалась о том, что переписывалась в Tinder со слишком большим количеством любителей мотоциклов. Совпадение? Или просто действие алгоритмов?

Чем больше у Гарри и Салли совпадений по ключевым словам, тем больше шансов, что сервер покажет их профили друг другу.

Авторы патента дали своим гипотетическим пользователям имена знаковых персонажей. Здесь встречается супермен Кларк Кент или, как в примере выше, главные герои фильма «Когда Гарри встретил Салли»*.

Поиск точек соприкосновения на этом не заканчивается. Том Жак, вице-президент по технологиям в Tinder, рассказал на конференции в Лас-Вегасе в декабре 2018 года, что приложение использует систему визуального распознавания Amazon, чтобы определить основные интересы пользователей**. Сотрудники Tinder поняли, что недостаточно анализировать тексты биографий, ведь многие их не заполняют. Тогда Tinder обзавелся Rekognition — искусственным интеллектом, созданным Amazon для каталогизации фотографий. Если вы на фото с гитарой, оп, вас определяют в категорию «творческих» людей. Лазаете по горам? Оп, вы «любитель отдыха на свежем воздухе». Все для того, чтобы свести людей, у которых есть точки соприкосновения. Мы будто герои фильма «Лобстер»***, в котором одиноких людей арестовывают, ссылают в отель и дают им сорок пять дней, чтобы

---

* Фильм Роба Райнера, вышедший в 1989 году.

** How Tinder creates better matches using AWS image recognition technology [онлайн], ComputerWorlduk.com, 7 декабря 2018 года.

*** Фильм Йоргоса Лантимоса, вышедший в 2015 году.

найти пару. А если им это не удается, их превращают в животных. Чтобы пару утвердили, у партнеров должна быть «важная» точка соприкосновения: недуг, физическая схожесть, языковой тип...

Сводить вместе людей с общими интересами, почему бы нет? В конце концов, если алгоритм может избавить нас от многолетних поисков... Но то, что написано дальше, говорит совсем об ином.

Авторы патента отмечают, что для зарождения отношений или простого желания встретиться крайне полезна «вера в судьбу», ведь люди привязаны к символам, особенно в вопросах, касающихся любви:

Сервер может быть настроен так, чтобы сделать профиль более привлекательным для другого пользователя (далее «пользователь 14»), показывая совпадения между профилями, способные дать пользователю 14 ощущение, что профиль другого человека выпал по воле судьбы.

Естественно, эти «совпадения» совсем не являются таковыми:

Сервер может быть настроен так, чтобы выискивать совпадение интересов, места рождения, даты рождения, университета, имени, фамилии, никнейма и ключевых слов, чтобы создать впечатление, что пользователи были созданы для того, чтобы быть вместе.

Когда алгоритм находит такие совпадения, есть две опции: показать пользователю эти сходства или нет. Во втором случае цель состоит в том, чтобы пользователь сам нашел точки соприкосновения и таким образом поверил, что эта встреча произошла по воле судьбы.

Неужели мы настолько предсказуемы, настолько поддаемся влиянию? Есть что-то захватывающее в идее игры с нашей «верой в судьбу» или «чувством судьбы». Такое ощущение, будто я читаю инопланетную инструкцию по использованию людей... Помню, когда я училась в школе, мы с подружками пробовали менять свои фамилии на фамилии тех парней, которые нам нравились, чтобы проверить, «хорошо ли звучит», мы всегда так смеялись, когда у нас совпадали инициалы. Это был знак! Неужели с тех пор ничего не изменилось?

Читаю интервью* психиатра Роберта Нойбургера, автора книги *Nouveaux Couples* («Новые пары»). По его мнению, все пары строятся вокруг «основополагающего мифа», в котором «каждый идет на поиски существенного совпадения, доказывающего, что встреча не была случайной», что означает, что оба партнера были выбраны судьбой. Это правда, я и сама занималась тем же во всех своих отношениях. «Ничего себе! Мы ездили все детство на каникулы в одни и те же места, но так и не встретились!» «О, мы читали в детстве одни и те же журналы!»

Смотрю на людей, едущих со мной в поезде. На самом деле все мы дети. Большие, но ранимые дети, которые переписывают собственную историю с помощью волшебства мысли и рассказывают друг другу сильно искаженные факты, будто чтобы приласкать, укутать нас основополагающей, соответствующей, защищающей нас историей. Та пожилая

---

* Chaque couple se construit sur un mythe, Psychologie magazine, 27 июля 2018 года.

пара, какие выдумки они рассказывают о своих отношениях? Может быть, они тоже удивились, что у них одинаковые инициалы? Смотрю на сверстников в вагоне и понимаю, что все мы одновременно и трогательны, и предсказуемы, и так управляемы.

Набираю «Foule sentimentale» в строке поиска YouTube, хочу снова послушать песню Алена Сушона. Он поет «*attirée par les étoiles, les voiles, que des choses pas commerciales**», эти слова звучат у меня в ушах, а я продолжаю чтение той части патента, в которой говорится о нашей оценке в зависимости от внешности.

Сервер может быть настроен так, чтобы анализировать, сколько раз был показан профиль и сколько раз пользователь фигурировал в списке результатов, на основе этого анализа определяется оценка физической привлекательности.

Представляю себе, что формула моего рейтинга успеха 55% — это алгоритмическая версия тех 5 из 10 баллов, что я получила в 15 лет.

На самом деле этот патент — воплощение школьных ценностей. Мы увлекаемся своими инициалами, как девочка-подросток, которая рисует каракули на полях своей тетради, а в это время кто-то оценивает ее внешность. Зачем практиковать такие оценки?

Люди, имеющие одинаковый уровень привлекательности, с большей вероятностью найдут общий язык.

Социолог Жан-Франсуа Амадье объясняет в книгах «Общество видимости» и «Диктатура внешности»**, почему это действительно так. Гомогамия в паре затрагивает также

---

* Тянется к звездам и парусам, к тому, что нельзя купить — Прим. ред.

** «La Société du paraître», «Le Poids des apparences» Odile Jacob, 2016 и 2002 годы.

и внешность. «Пословица „похожие люди притягиваются“ находит подтверждение в реальной жизни», – утверждает профессор.

После того как оценку получили наши интересы и уровень привлекательности, оценивается и наш ум:

Сервер, отвечающий за совпадения, анализирует такие факторы, как среднее количество слов в предложении, общее количество используемых слов длиной более чем в три слога, глубина словарного запаса.

Чтобы нас оценить, авторы пользуются тремя тестами: *Flesh Kincaid Reading Ease*, *Flesh Kincaid Grade Level* и *Gunning Fog Index* (фигурирует в патенте под названием *Gunning Fox score*). Тесты *Kincaid* были придуманы американским ВМФ в 1975 году для определения уровня сложности текста на английском языке и уровня образования, необходимого для его понимания. Что касается *Reading Ease*, чем ниже оценка по шкале от 0 до 100, тем сложнее текст. У журнала *Time*, например, – 52, это уровень студента университета, а у «Гарри Поттера» – 72, уровень восьмиклассника.

По тому же принципу работает и *Gunning Fog Index*. Его разработали издатели в 1950-х, чтобы определять степень читабельности текста.

Все это напоминает День обороны и гражданства*, когда мы пишем диктант и решаем несколько задач

---

* Один из этапов военной подготовки, заменившей обязательную военную службу во Франции.

по математике, чтобы государство смогло собрать статистику и определить общенациональный уровень грамотности. Выходит, что в Tinder день обороны и гражданства проходит каждый день? Или как?

Патент описывает, как могут использоваться эти тесты:

Полученный анализ позволит определить IQ пользователя, его уровень образования или уровень общей нервозности.

Документ не уточняет, как именно может быть оценена общая нервозность.

Tinder оставляет за собой возможность постоянно изучать наши физические, интеллектуальные, физиологические характеристики, будто мы астронавты на задании. Важное отличие: астронавты знают о том, что находятся под постоянным наблюдением.

Все эти оценки имеют внутреннюю функцию. Они позволяют распределять нас по разным группам. Приложение описывается как «функционирующее на базе геолокации», но патент предлагает другой параметр близости и оставляет за собой право ставить его в приоритет, выбирая, каких пользователей нам показывать:

Сервер может быть настроен таким образом, чтобы регулировать оценку, выданную анализом географической близости, в свете других факторов. Например, сервер может выдать оценку, соответствующую близости в 10 км, когда реальная

дистанция между пользователем 14 и пользователем А равняется 50 км, если у них схожий уровень дохода, возраст и уровень образования.

Внутри каждой группы профили снова сортируются, но уже другим алгоритмом, который начисляет бонусы и вычеты, чтобы отобрать тех, кого показать определенному человеку, когда тот зайдет в приложение. «Ни один из людей не обладает абсолютной ценностью», — пишет исследователь Джессика Пиду об этом алгоритме. Бонусы и вычеты находятся в постоянном движении. Они рассчитываются индивидуально и зависят от того, с кем нас сравнивают.

Для распределения бонусов и вычетов патент предлагает оценивать профили по «демографическим критериям». Любая информация, будь то возраст, профессия или уровень дохода, приносит очки. Чем больше у вас очков, тем больше шансов, что ваш профиль окажется в топе кандидатов для другого человека. Но настолько ли нейтральна эта система?

Сервер может быть настроен таким образом, чтобы уравнивать разным образом демографические различия и совпадения в зависимости от пола пользователя.

И здесь появляется самый удивительный, на мой взгляд, пункт патента.

Исключительно в качестве примера представим, что Гарри

и Салли – пользователи сервиса <...>. Допустим, Гарри старше Салли на 10 лет и зарабатывает на 10000 долларов в год больше, кроме того, у него есть степень магистра, а у Салли только среднее образование. Несмотря на такие несоответствия, сервер выдаст Салли более высокую оценку, и вероятность того, что Гарри увидит ее профиль, возрастет.

В этом гипотетическом примере молодая женщина, которая зарабатывает меньше и чей уровень образования ниже, может получить хорошую оценку и попасть в топ-5 выборки для мужчины, с которым ее сравнивают. То, что я моложе и меньше зарабатываю, чем Хаски и Мираж, – случайность или работа алгоритма?

Интересно, а что происходит, если женщина находится в позиции лидера в финансовом и культурном планах? Патент уточняет:

Однако если бы Салли искала партнера и сервер оценивал бы профиль Гарри, вероятно, оценка была бы иной. То есть если бы Салли была на 10 лет старше, зарабатывала бы на 10000 долларов больше и имела бы университетский диплом против школьного аттестата Гарри, сервер бы низко оценил профиль Гарри, и его шансы появиться среди кандидатов Салли упали бы.

Получается, обратная ситуация не работает? Богатый мужчина с молоденькой девушкой — это нормально, а богатая женщина с юношей — нет?

Tinder слегка консервативен, не правда ли? Именно на это намекает в своем анализе Джессика Пиду. По ее мнению, патент отражает «патриархальную модель гетеросексуальных отношений». Профессор добавляет: «Еще один пассаж отмечает важность разницы в возрасте в зависимости от пола. Есть параметр Tinder, определенный приложением как „genderrole traditionalism“*. Он измеряет привлекательность человека в зависимости от его пола и разницы в возрасте по отношению к тому, с кем его сравнивают. И здесь больше очков получают мужчины в возрасте и молодые девушки».

Авторы не могли найти лучший пример для своих персонажей, чем Гарри и Салли: в фильме герои — университетские друзья, хотя между артистами четырнадцать лет разницы (Билли Кристал мог бы быть деканом Мег Райан)... В одной из сцен Салли безутешно плачет после любовной неудачи:

Салли: Мне будет 40!

Гарри: Когда?

Салли: Скоро!

Гарри: Через восемь лет!

Салли: Но это случится! Это конец всего! У мужчин все не так, у Чарли Чаплина появился ребенок, когда ему было 70!

---

* Традиционализм в распределении ролей согласно полу.

Гарри: Да, но он был слишком стар,
чтобы брать его на руки!

Чтобы оправдать такие различия в оценке мужчин и женщин, патент подчеркивает некие «эмпирические наблюдения»:

Эта возможная конфигурация сервера объясняется эмпирическими наблюдениями, показывающими, что такие демографические различия по-разному влияют на выбор, который делают мужчины и женщины в контексте любовных отношений.

Патент не указывает источников этих «эмпирических наблюдений». Неважно, основывается Tinder на внутренних данных или нет, реальность этому не противоречит. Во Франции женщины в гетеросексуальных парах в среднем на четыре года моложе мужчин* и зарабатывают на 42% меньше**.

Если мир существует по таким законам и женщины предпочитают более зрелых и богатых мужчин, а мужчины выбирают девушек помоложе, то почему бы не удовлетворить их желание? В конце концов, в чем проблема, если этот подход отражает реальность?

---

* L'homme est plus âgé que sa conjointe dans six couples sur dix [онлайн], Insee.fr, 7 апреля 2017 года.

** Écart de revenus au sein des couples, trois femmes sur quatre gagnent moins que leur conjoint [онлайн], Insee.fr, 6 марта 2014 года.

Но мне кажется, если Tinder действительно применяет эту часть патента, то возникает проблема прозрачности по отношению к пользователям.

Многие годы Tinder поддерживает образ прогрессивной компании. Например, они создали петицию на Change.org* о создании эмодзи смешанной (читай – межрасовой) пары: «Нам кажется, давно пришло время представить любовь во всех ее формах. <...> Возьмемся за руки, объединимся и сделаем так, чтобы любовь была представлена во всем многообразии».

Другой пример: в марте 2018 года приложение присоединилось к кампании за равную оплату труда женщин и мужчин. Компания призывала пользователей интернета твиттить хештег #TinderForEquality** (Tinder за равноправие). А в 2017 году Tinder запустил кампанию в поддержку «смелых женщин». В официальном пресс-релизе о старте кампании*** можно прочитать:

Женщины по всему миру ставят под вопрос общественные нормы: они разрушают границы, избавляются от традиций и делают это зачастую вопреки законам. Так они пытаются добиться того, что большинство из нас считает элементарными правами

---

* Le projet d'Emoji pour les couples mixtes [онлайн], петиция, запущенная Tinder на Change.org, в феврале 2018 года.

** Tinder rejoint le combat pour l'égalité [онлайн], blog.GoTinder.com, 8 марта 2018 года.

*** Coup de chapeau à toutes les femmes téméraires du monde [онлайн], blog.GoTinder.com, 7 марта 2017 года.

человека. Эти женщины смелы и отважны. Они рушат устои. Они взбираются на вершины лестниц и говорят от лица сопротивления. Эти женщины — знаменосцы борьбы за права женщин во всем мире, и их борьба — это борьба за всех нас.

Но, чтобы стать звездой Tinder, нужно быть Джеймсом Бондом? Альфа-самцом с деньгами, который любит молодых девушек? Я изучаю традиционалистский инструмент, которым пользуется фирма, позиционирующая себя как прогрессивная. Будто бы под маской Берни Сандерса прячется Дональд Трамп...

А что говорит об этом сам Tinder? Между январем и февралем 2019 года я в течение месяца общалась сначала по телефону, а потом по электронной почте с двумя людьми. Я даже пыталась встретиться с ними, когда была в Калифорнии, но безуспешно.

Моими собеседницами были Агнес Гомес-Коизуми, директор по связям с общественностью Tinder, и Жюстин Сакко, одна из пресс-атташе Match Group, именно от нее я получила наиболее развернутые ответы.

В первом письме, которое пришло через две недели после моего первого запроса*, Жюстин Сакко жаловалась на слишком сжатые сроки:

---

* Первый запрос на беседу был направлен 14 января, а детальный список вопросов — 24 января. Жюстин Сакко впервые ответила 1 февраля, ее не устроил мой дедлайн. Мы перенесли дедлайн на 12 февраля, что позволило нам продолжить переписку.

Учитывая приближающийся дедлайн, мы можем заключить, что вы уже передали издателю финальную версию книги без наших комментариев, без проверки фактов, касающихся патента на наше приложение и его технического функционирования, вы не проконсультировались ни с кем из наших ведущих технических специалистов на протяжении всего расследования и написания книги.

Она добавила: «Мы не будем комментировать [ваши вопросы]», но все же уточнила:

Вы предоставили ложную интерпретацию патентов, системы мэтчинга Tinder, а также применения патента на платформе Tinder. Мы крайне обеспокоены тем фактом, что в своей книге вы намереваетесь говорить о технологии и самом сердце Tinder, не предприняв реальной попытки быть точной и достоверной.

После этого письма я предложила отложить дедлайн на девять дней, таким образом он отодвинулся от момента отправки первого мейла на месяц. После этого я уточнила некоторые вопросы и предложила Match Group дать свою интерпретацию патента. Вот отрывок из моего ответа:

Мы знаем, что на сегодняшний день патент не является точным описанием

ни самого продукта продукта, ни того, как на самом деле работают серверы Tinder. Речь идет скорее о «духе» организации <...>. Почему Шон Рэд и Джонатан Бадин, читая патент в 2014-м и 2018-м (годы, когда они получили статусы создателей патента), решили оставить пример с Гарри и Салли? Как Match интерпретирует пример, объясняющий, что мужчины и женщины, имеющие одинаковые зарплаты и уровень образования, оцениваются по-разному? Не является ли сексизмом разница в оценке мужчин и женщин? <...> Одинаково ли Tinder относится к мужчинам и женщинам?

В двух последующих мейлах Жюстин Сакко просит возможности отвечать «не под запись», чтобы я не смогла использовать ее ответы в книге. Я отказываю ей, ведь с самого начала я прошу официальных ответов на мои вопросы. Привожу здесь ее ответ:

Все отрывки и фразы, которые вы цитировали ранее и просили нас прокомментировать, не имеют ничего общего с алгоритмом Tinder. Следовательно, мы не можем их комментировать. Любые утверждения или инсинуации на этот счет будут ложными.

Вот, наконец, более конкретный ответ. Отрывки из патента Matching Process System and Method, которые мы отнесли

к Tinder и процитировали в этой главе, якобы не используются приложением, по словам дирекции компании.

Резюмируем.

Tinder, лидер на рынке приложений для знакомств, выставляет нам оценки. Эти оценки секретны, и узнать их невозможно.

Благодаря Джессике Пиду я нахожу патент, принадлежащий Tinder. Доказательство, что этот патент так или иначе используется приложением, дает Match Group в иске против Bumble*:

Match обладает патентом на использование U. S. Patent No. 9,733,811 («патент 811») под названием «Matching Process System and Method», в котором говорится об инновациях в функционале, которые воплощаются в различных версиях приложения Tinder.

Я начинаю изучать этот патент, осознавая, что он может использоваться лишь частично. Но часть меня верит в то, что стакан наполовину полон и в мутной воде виден небольшой просвет.

По мере чтения выясняется, что некоторые части патента существенно противоречат публичному представлению о Tinder как о прогрессивной компании. Тогда я решаю прямо задать вопросы Tinder: действительно ли взрослые

---

* Match Group v Bumble [онлайн], Scribd.com, 16 марта 2018 года.

женщины и молодые юноши получают более низкие оценки и, соответственно, находятся в менее выгодном положении? Может ли Tinder создать ложное восприятие судьбы ради того, чтобы мэтч оказался более успешным и привел к длительному общению?

Через пресс-атташе Match Group Tinder отвечает, что я ничего не понимаю. Однако уточняет, что те отрывки из патента, которые я здесь привожу, не используются в приложении. Тогда почему не ответить прямо на два абсолютно правомерных вопроса: что вы думаете об этих проблемных и бесполезных выдержках и почему они все еще фигурируют в версии патента 2018 года?

В статье под названием «Алгоритм Tinder, объяснение»*, опубликованной в феврале 2019 года, американская журналистка пишет:

Если я и знаю что-то о любви, так это то, что у тех, кто ее не нашел, ниже продолжительность жизни. Если немного обобщить, это означает, что понимание работы алгоритма Tinder — вопрос жизни и смерти.

Возможно, не стоит заходить так далеко, но немного прозрачности не помешало бы. Почему власти не имеют полномочий удостовериться, что Tinder одинаково относится к мужчинам, женщинам, геем, меньшинствам, молодым и старым? Неужели мы не имеем права знать? 28 февраля 2018 года апелляционный суд Калифорнии признал

---

* The Tinder algorithm, explained [онлайн], Vox.com, 7 февраля 2019 года.

незаконной вариативность тарифов Tinder Plus для разных возрастных категорий (9,99 доллара для людей младше 30 лет против 19,99 доллара – для тех, кто старше).

Когда речь заходит о сердце и других внутренностях столь популярного приложения, кто может проверить, что там творится на самом деле? Что есть любовь по алгоритму, если не черный ящик?

Именно черный ящик. И если вы проникнете внутрь и осветите небольшой кусочек своим фонариком, то услышите один и тот же ответ: «Мы не будем комментировать то, что вы там нашли, но имейте в виду, что к нам это не имеет никакого отношения».

По крайней мере, кое-что мне все же удалось выяснить: от возможностей, которые имеет приложение, согласно патенту Matching Process System and Method, мороз по коже. И если патент передает общий «дух» компании, мне это нравится еще меньше. Любовь по алгоритму – это игра, правил которой мы не знаем.

Одно мы знаем наверняка: Tinder использует выигрышную формулу. Во втором квартале 2018 года Гэри Суидлер, финансовый директор Match Group, сообщил, что ведущее приложение приносит 800 миллионов долларов дохода, то есть в два раза больше, чем годом ранее. Но основную часть дохода Tinder получает от премиум-аккаунтов, которые дают возможность профилям увеличить количество показов с помощью буста. Значит ли это, что для преодоления потенциального неравенства, созданного алгоритмом, продвижения в собственной группе или выхода из нее достаточно просто заплатить?

Мне в голову пришла мысль, которую Кэти О’Нил обозначила в книге «Weapons of Math Destruction». Она объясняет,

что «алгоритмы — это мнения». Они никогда не бывают нейтральными. «Концепция нейтральности нереалистична. То, что мы считаем нейтральным, на самом деле является доминирующим», — развивает эту мысль Рун Нируп, исследователь в Центре Леверхульма по изучению интеллекта будущего в Кембриджском университете.

Каждый день в Tinder происходит 2 миллиарда мэтчей. Приложение используется более чем в 190 странах, и, как утверждают в самой компании, каждую неделю благодаря Tinder случается миллион свиданий*. Успех Tinder неоспорим. Это невероятный инструмент. Настолько невероятный, что инженеры приложения держат в своих руках невероятную власть, позволяющую влиять на то, как смогут встретиться миллионы людей. Они могут влиять на то, как будут создаваться пары, как будут плестись связи. И только сегодня, этим вечером, в тот самый момент, когда я пишу эти строки, случатся около 140 000 свиданий. Made in Tinder.

---

* Presse et ressources de la marque [онлайн], GoTinder.com.

Самый – пресамый последний раз

Несколько секунд жму на иконку приложения. Я только что проснулась. И, как всегда, одно из первых действий утром – взять в руки телефон. Думаю, пора удалить Tinder. До свиданья, дорогой Tinder! Я поняла, что ждать мне от тебя нечего.

Ну давай. Последний раз? Самый-пресамый последний! Никто не узнает. Чувствую себя как человек, который бросает курить и втихаря выкуривает последнюю сигаретку. Боже, как нелепо. Почему бы и не заглянуть, если мне хочется? Я уже много месяцев не ходила на свидания. Я даже могу провести небольшой эксперимент! Указываю в приложении, что ищу мужчин от 25 до 55. Но на экране появляются лишь профили мужчин 35 и 36 лет. Все в точности, как указано в патенте. Просматриваю череду фотографий. У всех этих мужчин должна быть как минимум одна точка соприкосновения со мной. У них те же инициалы? Одного и правда зовут Жан. Каждый раз, смахивая профиль, я представляю себе, какие вычисления в этот момент производит сервер. Он копается в пользователях, чтобы найти того, чья оценка совместимости со мной самая высокая. Если я его лайкаю, оп, пересчитываем, теперь

другие кандидаты должны походить на первого. Так, ей понравился тот, что играет на гитаре, подкинем ей артистов! Но не этого, он только школу закончил, а у нее университетское образование. У всех этих мужчин есть что-то, чего нет у меня. У них больше денег, больше опыта или больше знаний.

Один из профилей рассмешил меня: «Обещаю тебе, что я не совсем сумасшедший и не буду слать тебе фотки члена», говорится в описании. Я задумываюсь, почему этот пользователь выпал мне? Сейчас в моем профиле написано «I am a mess too», что можно было бы перевести как «Я тоже ненормальная». На одной из фотографий он занимается скалолазанием в Альпах, у меня тоже есть новая фотография, где я в горах. Вот она, наша точка соприкосновения в Tinder! У нас мэтч. Его первое сообщение трогает меня:

«Как дела, Жюдит? У меня сломалось отопление, я смотрю на серые облака и пью чай. Ты предпочитаешь говорить на английском или на немецком? Мой французский, к несчастью, совсем плох».

Хочу ответить ему, что это сообщение напомнило мне стих Бодлера «Чужак»:

- Скажи, загадочный человек, кого ты любишь больше: отца, мать, сестру или брата?
- У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.
- А друзей?
- Не понимаю, о чем вы: смысл ваших слов от меня ускользает.
- А родину?
- Не знаю, в каких широтах она лежит.

- Красоту?
- Я рад бы ее полюбить, будь она бессмертной богиней.
- Золото?
- Ненавижу его, как вы ненавидите Бога.
- Так что же ты любишь, несуразный чужак?
- Люблю облака... облака, плывущие там... далеко... сказочные облака!*

Но это стих из сборника, который папа подарил мне на шестнадцатилетие, и я не хочу, чтобы это прекрасное воспоминание попало на сервер Tinder. И потом, если он какой-нибудь козел, то обязательно испортит эту чудесную историю своими грязными лапами и ответит что-нибудь идиотское. Я лучше прочитаю ему этот стих, если мы встретимся и он мне понравится. Ну вот, я уже представляю встречу с ним! И что он будет милым! Проклятое воображение, которое бежит впереди паровоза, треклятый неискоренимый романтизм! Но я больше не верю в любовь с первого взгляда по переписке, чудесной, спонтанной, розовой переписке. Потому что потом ты приходишь на свидание с бабочками в животе, а на деле оказывается, что ты себе все напридумывала. Наверняка он из тех, который ищет «что получше на полке»! Или которому я покажусь чудесной, но он не влюбится, «ты же понимаешь?». Я как те дворняги, которых берут из приюта, я кусаюсь, потому что мне очень нужна ласка.

Решаю ответить шуткой: «Чай с лимоном или без? Осторожно! Есть только один верный ответ, и если ты ошибешься, я больше не отвечу!!!»

---

* В переводе Е.В. Баевской. — Прим. ред.

Позже я узнала, что он посылал всем одну и ту же фразу. «Жюдит, ты не понимаешь, для парней Tinder — не то же самое... Вам, женщинам, все пишут и отвечают... А у нас все наоборот! Невозможно так выкладываться и каждый раз искать подкат, подходящий к каждому конкретному случаю, приходится немного автоматизировать». Но в тот момент мы еще не были знакомы. «И потом, переписка же ничего не значит. Человек может показаться интересным, забавным, а в реальной жизни быть сущим дьяволом. Не стоит слишком этому доверять». Осознаю, что не я одна нацепила броню.

На следующий день он мне ответил: «Я пью чай с тремя дольками лимона. Вот так, тебе придется с этим смириться!!! Но сегодня я пью кофе, чтобы не слишком тебе надоедать». Потом он перестает мне отвечать. Но мне понравилась история с облаками, и я продолжаю: «Вернись, слишком рано для прощаний». Его это веселит. Посылаю ему свой номер телефона, чтобы начать переписку в WhatsApp, или Telegram, или где-нибудь еще. После этого я сразу же удаляю Tinder.

В эту пятницу я ужинаю у своей подруги-журналистки. Сажу на диване, и у меня живот болит от смеха. Мы открываем одну за другой бутылки вина, и подруга чуть не забывает подать великолепную капонату собственного приготовления. Когда он пишет мне, что скучает на рождественском корпоративе, я без колебаний предлагаю, пользуясь своим отличным настроением: «Не хочешь выпить где-нибудь неподалеку?» Встречаемся в баре на углу моей улицы в час ночи. Я так устала от бестолковых свиданий, что на этот раз превращаю все в игру. Устанавливаю правила: запрет на разговоры о работе, чтобы избежать пустой

болтовни, запрет не перезванивать мне после свидания. Ему это нравится.

Я иду довольная, вечер пятницы, начало выходных. Он уже на месте, пишу, чтобы он заказал нам выпить. Черт, у меня почти нет налички с собой, а в Берлине за все надо платить наличными. Думала, будет время зайти в банкомат. Ну ладно, что поделать!

Приближаясь к бару, вспоминаю одну историю, которую написала, когда была моложе. Это история о коте с хронической депрессией: он в отчаянии от того, что не родился тигром. Он не мог оправиться от того, что сам называл «наивысшим унижением». Каждый вечер он растягивался, цепляясь когтями за серый мягкий палас в надежде вырасти хоть на несколько сантиметров и тем утешить горе. А затем он часами невыносимо и жалостливо мяукал, осознав, что его метод не работает.

Его хозяйка, Синьора Старниа, итальянка, чьи ногти всегда были накрашены фиолетовым лаком, решила заставить кота забыть о существовании других кошачьих. Она срывала в метро рекламные плакаты с тиграми, вела кампании по борьбе с цирками и просила Google удалить не только злощастное слово «тигр», но и «гепард», «ягуар», «черная пантера», «пума». Ее обращение вызвало дебаты в Калифорнии.. (Кот умел читать, лазать по интернету и ездить на метро.)

Заключение моего фантастического рассказа было следующим: кошки настолько высокомерны, потому что они не знают о существовании тигров.

А значит, что я, что мы все — тигры в этой истории. Осознав это, я становлюсь более уверенной в себе. Никакой алгоритм не скрасит мою реальность: я играю в настоящую игру, к тому же с невыгодной позиции.

Захожу в бар. Ищу его взглядом. У него веснушки на щеках, зеленые глаза и борода. Он красив, очень красив. Меня охватывает легкий страх.

Я трясую головой, чтобы прийти в себя, как будто выбивая пыль из ковра. Помни, Жюдит, нет никаких причин волноваться. Ты — тигрица. Выше голову! Даже на встрече с парнем, которого подобрал Tinder, ты хозяйка положения! Настоящая королева джунглей.

Это я, и это вы.

Послесловие

Мне волнительно писать послесловие для русского издания моей книги по нескольким причинам. Во-первых, мои прадедушка и прабабушка были русскими, из Нижнего Новгорода; они переехали во Францию, чтобы продолжить медицинское образование. Во-вторых, однажды, когда мне было 20 лет, я побывала в Москве. Мой тогдашний парень учился там год по обмену, и я боялась, что наши отношения не выдержат разлуки. Оказавшись в городе, я испытала настоящий шок. Помню, что, пока я ехала на метро от аэропорта до студенческого общежития, я смотрела на всех женщин одновременно с восторгом и ужасом. Они все казались мне Беренис. Прошу простить, если моя история звучит как клише и не передает всех нюансов России, — это всего лишь взгляд молодой туристки. Каблуки, покрашенные ногти, шелковистые волосы — казалось, будто здешние женщины в совершенстве постигли все законы женственности, тогда как я в этом делала только первые шаги. Я помню горечь от мысли, что мой бойфренд наверняка считает, что я до них не дотягиваю.

В то время я еще верила, что я — единственный человек, чей внутренний голос постоянно его унижает. Но эта книга

помогла мне осознать очень важную вещь: этот голос, повторяющийся, что я недостаточно красива, что чего-то во мне слишком «много» или «мало», есть у всех нас. Это голос патриархата. Интериоризация мужского господства, то, что Бурдьё* назвал «символическим насилием». «Мне потребовалось много лет, чтобы извергнуть из себя всю ту мерзость, которую мне внушили о самом себе», — писал чернокожий американский поэт Джеймс Болдуин о страданиях жизни афроамериканца в США в 1940-х. Я не могу даже представить все те ужасы, которые ему пришлось пережить, но мне кажется, что я понимаю, о чем он говорит. Очень трудно уважать самого себя в обществе, унижающем нас по сто раз на дню с самого младенчества. Я убеждена, что один из мощнейших доступных нам актов сопротивления — это проявление нежности к себе. Нежность — это новая радикальность. Я волнуюсь при мысли, что вернусь в Россию — теперь через свою книгу, — и хотелось бы верить, что мне удастся донести эту нежность до женщин. Женщин, которые произвели на меня такое сильное впечатление. Женщин, которые — теперь я в этом уверена — чувствуют то же давление и слышат тот же голос внутри, что и я. Мои сестры, надеюсь, вам понравилась эта книга. Безусловно, она адресована и мужчинам — простите меня, но я надеюсь, что вы поймете, почему я оставляю вас на заднем плане этого послесловия.

После выхода моей книги во Франции в марте 2019 года Tinder признал в своем пресс-релизе, что использовал рейтинг Эло, но отметил, что отказался от него. Тем не менее внутренний механизм приложения до сих пор остается

---

* Пьер Бурдьё — французский социолог, антрополог и философ. — Прим. ред.

загадкой — нет возможности узнать, на что был заменен рейтинг Эло и не стала ли система еще хуже. Что касается меня, то после проделанной работы над собой я больше не пользуюсь Tinder и не считаю себя эмоционально зависимой. Книга была переведена на итальянский и испанский языки и очень скоро выйдет на арабском. Уже идет работа по ее адаптации для документального фильма и сериала.

Благодарности

Издательству La Goutte d'Or, лучшим издателям в мире: Кларе Телье-Савари, Жоффрэ Ле Гильшеру и Жоанну Зарке.

Редакторам Франку Берто и Люси Жеффруа, а также переводчику Анатолию Понсу.

Алисе Андерсен, Кристофу Биго, Клеману Бюэ, Орели Карпентье, Нико Диазу, Доминику Мартелу и Анне Ванде Гогусей.

Джонатану Хайнсу и Самюэлю Гиббсу из Guardian за то, что дали мне шанс.

Le Figaro за то, что научили меня профессии (и пить алкоголь).

Полю-Оливье Дехэю за экспертизу, доверие и боевитость. Джессике Пиду за то, что направила меня на верный путь в моих поисках.

Николя Кайзеру-Брилю.

Всем, у кого я брала интервью для этой книги.

Журношлюхам и их неизменной поддержке.

Морицу.

Пьумсу, Бене, Роксане, Еве и Леа, которые верят в меня всю мою жизнь (или почти)!

Берлину, его собакам и кафе, где все еще разрешают работать со своим ноутбуком.

Моей маме, лучшему примеру независимой женщины (которой, тем не менее запрещено читать эту книгу)!

Жюдит Дюпортей

18+

Любовь по алгоритму. Как Tinder диктует, с кем нам спать

Издатели: Андрей Баев, Алексей Докучаев

Главный редактор: Феликс Сандалов

Арт-директор: Максим Балабин

Перевод с французского: Наталья Гринь, Татьяна Тростникова

Редактор: Наталья Гринь

Ответственный редактор: Анастасия Дьяченко

Выпускающий редактор: Мария Москвина

Корректоры: Наталья Витько, Валерия Тремасова

Верстка: Ильяс Лочинов

Принт-менеджер: Денис Семенов

Директор по маркетингу: Ксения Мостовая

PR-менеджер: Наталья Носова

Директор по продажам: Павел Иванов

Менеджер по правам: Яна Казиева

ООО «Индивидуум Принт»

individuum.ru · info@individuum.ru

facebook.com/individuumbooks · vk.com/individuumbooks

instagram.com/individuumbooks

Наши книги можно купить

в «Киоске»: <https://bookmate.store>

Подписано в печать 22.05.2020. Тираж 2000 экз. Заказ № 4074.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14